ДИСКУРСЫ ЭТИКИ
Выпуск 3(31), 2026

Санкт-Петербургское
философское общество

Санкт-Петербург
2026

DISCOURSES OF ETHICS
Issue 3(31), 2026

St. Petersburg Philosophical Society

Saint Petersburg
2026

Дискурсы этики Выпуск 3(31), 2026

УДК 17
ББК 87.7
Д48

ISSN (Печатный): 2306-9430
ISSN (Онлайн): 2311-570X

Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2026_3_31/

Научное издание «Дискурсы этики» является рецензируемым академическим ежеквартальным журналом, посвященным актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики.
Цель журнала: стимулировать активную дискуссию об истории этического знания и тенденциях в рамках этических дисциплин, общественной морали, отношении этики и права, вопросах ценностей и перспективах развития этико-гуманитарных направлений в современном российском и международном контексте.
Выходит 4 раза в год.

Редколлегия:
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5,
ауд.104а. Тел.: +7(812)328-94-21 (1843)
e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com
http://theoreticalappliedethics.org/

© Коллектив авторов, 2026
© Санкт-Петербургское философское общество, 2026

Discourses of Ethics Issue 3(31), 2026

ISSN (Print): 2306-9430
ISSN (Online): 2311-570X

Permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2026_3_31/

«Discourses of Ethics» is a peer-reviewed quarterly published academic journal that focuses on topical issues of theoretical and applied ethics.
Mission and scope:
— To provide a platform for research in ethics;
— To reintegrate the ethical community;
— To promote a dialogue in the academic community of moral philosophers;
— To ensure the availability of knowledge, educational technologies and high educational standards for students.
The journal presents the most diverse ethical issues: from bioethics to professional ethics, from the history of ethics to the recent ethical studies.

Editorial office:
5 Mendeleevskaya liniya, office 104a, Saint Petersburg, 199034, Russia.
Phone: +7(812)328-94-21 (1843)
e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com
http://theoreticalappliedethics.org/

© Authors, 2026
© St. Petersburg Philosophical Society, 2026

Главный редактор

Вадим Юрьевич Перов, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный университет

Международный редакционный совет

Георгий Петрович Артёмов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Александр Иосифович Бродский,* доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Лешек Копчух,* Ph.D., Sc.D., профессор, Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша; *Александр Сергеевич Лаптенок,* доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь; *Эрвин Ленгауэр,* Ph.D., Венский университет, Вена, Австрия; *Шунцо Маджима,* Ph.D., профессор, Университет Хоккайдо, Япония; *Гинтаутас Мажейкис,* Ph.D., Dr.habil., профессор, Университет Витаутаса Великого, Каунас, Литва; *Альберто Пирни,* Ph.D., Высшая школа Св.Анны, Пиза, Италия; *Златица Плашиенкова,* доктор философии, профессор, Университет им.Я.А.Коменского, Братислава, Словакия; *Александр Владимирович Разин,* доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова; *Предраг Чичовачки,* Ph.D., профессор, Колледж Холи Кросс, Вустер, США; *Александр Анатольевич Шевченко,* доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Редакционная коллегия

Татьяна Юрьевна Барташевич, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Дмитрий Алексеевич Гусев*, Санкт-Петербургское философское общество; *Евгений Викторович Держивицкий*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Татьяна Викторовна Ковалева*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Игорь Юрьевич Ларионов*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Елена Анатольевна Овчинникова*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Нина Вадимовна Перова*, Институт философии РАН, *Андрей Михайлович Положенцев*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сотрудники редакции

Глебова Софья Валерьевна, ответственный секретарь
Васильев Андрей Витальевич, Климова Анисия Евгеньевна, Макарова Надежда Павловна

Editor-in-Chief

Vadim Yu. Perov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, head of the Department of Ethic, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

International Advisory Board

Georgiy P. Artyomov, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Alexander I. Brodsky*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Leszek S. Kopciuch*, PhD, DSc, Professor, Maria Curie-Sklodowska University in Lublin, Poland; *Aleksandr S. Laptenok*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus; *Erwin Lengauer*, Ph.D., University of Vienna, Austria; *Shunzo Majima*, Ph.D., Professor, Hokkaido University, Japan; *Gintautas Mazeikis*, Ph.D., Dr. habil., Professor, Vytautas Magnus University, Lithuania; *Alberto E.E. Pirni*, Ph.D., Sant'Anna School for Advanced Studies, Pisa, Italy; *Zlatica Plašienková*, philosophiae doctor, Professor, Comenius University in Bratislava, Slovakia; *Aleksandr V. Razin*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Moscow State University, Russia; *Predrag Cicovacki*, Ph.D., Professor, College of the Holy Cross, USA; *Aleksandr A. Shevchenko*, Doctor of Science in Philosophy, Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Tatiana Yu. Bartashevich, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Dmitriy A. Gusev*, St. Petersburg Philosophical Society; *Evgenij V. Derzhivitskij*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Tatiana V. Kovaleva*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Igor Yu. Larionov*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Elena A. Ovchinnikova*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Nina V. Perova*. RAS Institute of Philosophy; *Andrey M. Polozhentsev*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University

Editorial Team

Sofia V. Glebova, Assistant Editor
Andrei V. Vasilev, Anisia E. Klimova, Nadezhda P. Makarova

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая этика

О проблеме грязных рук (ПГР)
Прись И. Е. …… 11

Трансформация образа юродивого
в русской литературе XIX века
Арсибекова В. С. …….. 35

Прикладная этика

Воспитание через обучение: социально-экономические
детерминанты и критика декларативного подхода
к укреплению духовно-нравственных ценностей
Абдулаева З. Э., Рамазанов А. А. …… 59

Этическая экспертиза

Между заботой и принуждением: этическая оценка
корпоративных программ снижения веса в современном Китае
Колосова К. А., Руденко А. А., Юнусова Л. И. …….. 79

Приглашение к дискуссии

«Орнитологи тоже не летают?»: беседа об этике с В.Ю. Перовым
Фотиева Е. О., Перов В. Ю. …… 105

CONTENTS

Theoretical Ethics

On the Problem of Dirty Hands
Pris Igor 11

The Image of the Holy Fool and Ethical Quests
in Russian Literature of the 19th
Arsibekova Valeria 35

Applied Ethics

Upbringing Through Teaching: Socio-Economic Determinants
and a Critique of the Declarative Approach to Strengthening
Spiritual and Moral Values
Abdulaeva Zaira, Ramazanov Arsen 59

Professional Moral Evaluation

Between Care and Enforcement: An Ethical Assessment
of Corporate Weight-Loss Programs in Contemporary China
Kolosova Xenia, Rudenko Anna, Iunusova Liliia 79

Tough Topics

“Ornithologists Don’t Fly Either?” — A Conversation with Vadim Perov
Fotieva Ekaterina, Perov Vadim 105

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

THEORETICAL ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2026, 3(31): 11–34
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_11-34.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-11-34

УДК 17

О ПРОБЛЕМЕ ГРЯЗНЫХ РУК (ПГР)

Прись И. Е.

статья:
поступила в редакцию 13.07.2026
принята к публикации 07.08.2026
опубликована (онлайн) 25.11.2026

© Прись Игорь Евгеньевич
доктор философии (PhD (философия)), кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
адрес для корреспонденции: frigpr@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Проанализирована проблема грязных рук (ПГР), введённая американским философом М. Уолцером (1973): в исключительных обстоятельствах для избежания худшего может быть необходимо и правильно нарушить важные моральные обязательства, совершив неправильное. Приведены аргументы в пользу того, что ПГР — это реальный парадокс, отражающий реальные ситуации, а не концептуальная ошибка. При этом достижение благой цели аморальными средствами не отменяет их аморального характера, хотя необходимость может их оправдывать; любое нарушение моральных норм оставляет отрицательный побочный моральный эффект. Утверждается, что ни одна моральная система и никакое законодательство не должны допускать исключений,

разрешающих «пачкать руки». В частности, на пытку должен быть наложен абсолютный запрет. Мысленный эксперимент с «тикающей бомбой» несостоятелен, поскольку причинно-следственная связь между пыткой и спасением людей в нём лишь предполагается, а не достоверна. Проведено различие между извиняемостью поступка и его обоснованностью: аморальный поступок может быть оправдан, но не обоснован; однако пытка не может быть ни обоснована, ни оправдана. Позиции макиавеллизма, консеквенциализма и спецификационизма, отрицающие негативный моральный остаток, признаны несостоятельными. Показано, что русский философ С.Л. Франк («Свет во тьме») занимает близкую к Уолцеру позицию: христианский долг может вынуждать идти на грех, если бездействие — больший грех. Понятия нравственного такта и конкретной эффективности у Франка также сближают его позицию с контекстуальным этическим реализмом автора данной статьи. Контекстуальный этический реализм облегчает анализ проблемы грязных рук, но не устраняет её. Моральный прогресс состоит в создании условий, при которых ПГР не возникает, однако новые конфликты неизбежны. Вместе с немецким философом М. Габриэлем автор статьи признаёт необходимость компромиссов, но отрицает допустимость собственно моральных компромиссов (компромиссов в моральных принципах, убеждениях).

Ключевые слова: проблема грязных рук (ПГР), деонтология, макиавеллизм, консеквенциализм, спецификационизм, контекстуализм, сценарий с тикающей бомбой, компромисс.

Discourses of Ethics. 2026, 3(31): 11–34
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_11-34.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-11-34

ON THE PROBLEM OF DIRTY HANDS

Pris Igor

received 13.07.2026
accepted 07.08.2026
published (online) 25.11.2026

© Igor E. Pris
PhD in Philosophy, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Leading Researcher of Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Correspondence to: frigpr@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article analyzes the problem of dirty hands, introduced by the American philosopher Michael Walzer (1973): under exceptional circumstances, it may be necessary and right to violate important moral obligations by doing wrong in order to avoid a greater evil. Arguments are presented in favor of the view that the problem of dirty hands is a real paradox reflecting real-life situations, rather than a conceptual error. At the same time, achieving a good end through immoral means does not cancel their immoral character, although necessity may justify them; any violation of moral norms leaves a negative side-effect — a moral remainder. It is argued that no moral system and no legislation should allow exceptions that permit “dirtying one’s hands”. In particular, torture must be absolutely prohibited. The “ticking bomb” thought experiment is untenable because the causal link between torture and the saving of lives is merely assumed, not reliably established. A distinction is drawn between the excusability of an act and its justification: an immoral act can be

excused but not justified; however, torture can be neither justified nor excused. The positions of Machiavellianism, consequentialism, and specificationism, which deny the negative moral remainder, are found to be untenable. It is shown that the Russian philosopher Semyon L. Frank (in Light in the Darkness) holds a position close to Walzer's: Christian duty may compel one to sin if inaction is a greater sin. Frank's notions of moral tact and concrete effectiveness also bring his position close to the contextual ethical realism advocated by the author of this article. Contextual ethical realism facilitates the analysis of the dirty hands problem, but does not eliminate it. Moral progress consists in creating conditions under which the problem of dirty hands does not arise; nevertheless, new conflicts are inevitable. Together with the German philosopher Markus Gabriel, the author acknowledges the necessity of compromises, but denies the permissibility of moral compromises properly so called (i.e., compromises in moral principles and convictions).

Keywords: Problem of Dirty Hands, Deontology, Machiavellianism, Consequentialism, Specificationism, Contextualism, Ticking Bomb Scenario, Compromise.

«Сберегший душу свою потеряет ее;
а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»
(Ев. от Матфея 10:39)

1 Проблема (парадокс, «дилемма») грязных рук (ПГР). 1.1 Логика.

Иногда, кажется, одно и то же действие (поступок), A, может быть одновременно правильным и неправильным[1] в том смысле, что его одновременно должно и запрещено (не должно) совершать, и, следовательно, соответствующее бездействие одновременно неправильным и правильным. Что бы ты ни делал, ты всё равно совершишь что-то неправильное. Остаётся выбирать наименьшее зло (если это возможно). Другими словами, тезис утверждает существование деонтически противоречивых ситуаций.

В стандартной деонтической логике SDL с аксиомой непротиворечивости, *D*: $F\equiv O(\neg A)\rightarrow\neg O(A)$, где символ «O» означает «должен (обязан)», это логическое противоречие. Чтобы его избежать, можно предположить, что смысл «должен» не однозначен. Пусть, например, символ «O*» означает «должен» в смысле консеквенциалистской этики, а «O» и «F» — соответственно, «должен» и «запрещено» в смысле деонтологической этики. Тогда вместо деонтического противоречия имеем столкновение двух нормативных принципов: $O^*(A) \wedge F(A) \equiv O^*(A) \wedge O(\neg A)$.

Например, в известном мысленном эксперименте с вагонеткой возникает следующая проблема выбора: ничего не делать — но тогда вагонетка продолжит движение в направлении автобуса с детьми и наверняка раздавит его, или же перенаправить её на другой путь, на котором

[1] Например, злым и добрым. «Я должен быть жестоким, лишь чтобы быть добрым» (I must be cruel only to be kind), — говорит Гамлет своей матери. [«Гамлет» (акт III, сцена 4)]. (Этот пример приводит М. Уолцер [6, с. 107].)

лежит пьяный человек? В другом варианте этого мысленного эксперимента приходится выбирать между гибелью нескольких человек и одного человека. Поступок, который деонтолог, быть может, сочтёт морально неприемлемым, консеквенциалист сочтёт морально правильным.

Гибридная позиция следующая: пожертвовать одним человеком, как это предлагает консеквенциалист, неправильно, но принимая во внимание все обстоятельства, а именно, что эта жертва позволит спасти детей или нескольких человек — правильно. При этом признаётся наличие сопутствующего морального ущерба: поступок всё-таки остаётся неправильным. Как следствие, совершающий его «пачкает руки», должен испытывать угрызения совести. Это позиция деонтолога, признающего, что в исключительных случаях, чтобы избежать худшего, необходимо нарушить моральную норму, хотя она и сохраняет свою силу.

Таким образом, в случае нормативного конфликта, если обе нормы сохраняют свою силу, тот или иной долг[2] исполнен не будет. Конфликт может быть между различными нормативными сферами: моральной, правовой, политической, социально-экономической. Эти сферы пересекаются, но не совпадают, не могут быть редуцированы одна к другой. Например, моризм (редукция неморальных сфер к моральной) или легализм (редукция неправовых сфер к правовой) оказываются ложными идеологиями, искажениями, соответственно, морали и права.

Если две обязанности (два долга) имеют одинаковую нормативную силу, возникает нормативная (в частности, это может быть моральная) дилемма. Если же они имеют разную нормативную силу, симметрия нарушается. В то же время вовсе не очевидно, что превосходство одной нормы элиминирует или нейтрализует действие другой. Противоречие между двумя обязанностями может сохраняться. И это значит, что кантовский принцип, что «должен» предполагает «можешь» может нарушаться.

В логике SDL такая ситуация, ведущая к нарушению принципа «долженствование подразумевает возможность» логически невозможна благодаря упомянутой выше аксиоме непротиворечивости, *D*. Поэтому не-

[2] В общем случае речь идёт о долге в смысле удовлетворения этической норме, а не в деонтологическом смысле.

которые философы и логики отрицают существование моральных дилемм. Однако, другие, например, Бернард Уильямс или Рут Баркан Маркус, оспаривают универсальность аксиомы непротиворечивости. Они указывают на существование реальных моральных дилемм — ситуаций типа «Выбора Софи», где человек объективно *должен* совершить два взаимоисключающих поступка. В ситуации «Выбора Софи» мать под угрозой гибели обоих детей должна решить, кого из них отправить на смерть в газовую камеру концлагеря Освенцим. Если она откажется выбирать, нацисты убьют обоих[3]. В «парадеонтических» системах аксиома *D* отбрасывается, чтобы логика могла описывать конфликты обязанностей, не разрушаясь.

ПГР возникает, когда в некоторых исключительных случаях, с учётом всех обстоятельств, оказывается необходимым поступить аморально или совершить преступление [6; 10; 12; 17; 19; 20]. Но что считать необходимостью? Было ли необходимостью повеление Бога принести Исаака в жертву (Книга Бытия, глава 22)? Понтий Пилат осудил Христа на смерть по политическим мотивам, хотя сам считал его невиновным. В Евангелии от Матфея (27:24) читаем: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; сморите вы» (в связи с ПГР этот эпизод упоминается в [17, p. 419].) Но действительно ли была в этом случае политическая необходимость? Скорее, Пилат просто струсил.

1.2 Определение ПГР и примеры.

В философский дискурс ПГР ввёл американский политический философ М. Уолцер в своей статье «Политическое действие: Проблема грязных рук», опубликованной в 1973 г. Он пишет: «Конкретное действие руководства (в политической партии или государстве), — пишет Уолцер, — может быть в точности правильным с утилитаристской точки зрения и все же оставлять человека, который его совершает, виновным в аморальном поступке. Невиновный человек впоследствии уже не является невинов-

[3] Название ситуации восходит к роману американского писателя Уильяма Стайрона, опубликованному в 1979 году.

ным. С другой стороны, если он остается невиновным (...), он не только не поступает правильно (с утилитаристской точки зрения), он также может не соответствовать обязанностям своей должности (которая возлагает на него немалую ответственность за последствия и исходы)» [6, с. 95–96]. (Некоторые говорят, что невиновным в такой ситуации вообще невозможно остаться.) При этом моральный человек, если он виновен в аморальном поступке, всегда испытывает боль, угрызения совести и, быть может, должен быть наказан за свой поступок [6, с. 111–112; 2]. Проблема ставится так: «Как может быть неправильным сделать то, что правильно? Или как мы можем запачкать наши руки, делая то, что нам следует делать?» [6, с. 99; 2]. Через 50 лет Уолцер возвращается к ПГР. Он задаёт вопрос: «Является ли ложь и убийство в данный момент, прямо сейчас, единственным способом избежать чего-то гораздо худшего?» [20].

Приведём пример. Уолцер считал, что на начальном этапе Второй мировой войны бомбардировка союзниками немецких городов была оправдана (он употребляет термин «justified», «обоснована»), хотя и оставляла у них грязные руки. Оправдание состояло в том, что нацизм угрожал существованию самой морали. Для сохранения морали как таковой проходилось прибегнуть к её нарушению. Напротив, бомбардировки немецких городов на заключительном этапе войны, а также бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не имели для Уолцера никаких оправданий [6; 19].

В этой связи вспомним некоторых великих физиков и организаторов науки: Р. Оппенгеймера, Э. Ферми, Э. Лоуренса, А. Комптона. Они входили в так называемый Научный совет, который координировал атомную политику США и был связующим звеном между научным миром и президентом Г. Труманом. Этот совет проигнорировал альтернативные сценарии бескровной демонстрации атомного оружия и 16 июня 1945 года единогласно рекомендовал Труману использовать бомбу против Японии, не видя «приемлемой альтернативы» быстрому военному применению. Оппенгеймер, как научный руководитель проекта, играл ключевую роль в этом решении. Лоуренс поначалу выступал против бомбардировки городов, предлагая техническую демонстрацию. Таким образом, физики легитимизировали массовое убийство мирного населе-

ния ради сомнительной утилитарной «инструментальной необходимости». Говорят, что позже, осенью 1945 года, Оппенгеймер произнес свою знаменитую фразу на встрече с Труманом: «Господин президент, я чувствую, что на моих руках кровь».

Уолцер и многие другие считают, что в своей наиболее острой форме ПГР возникает в политике[4]. В недавней статье Л. Эггерт пишет: «Проблема грязных рук описывает парадоксальную идею о том, что в политике может быть правильным делать то, что морально неправильно» [12, p. 2]. «Возникает парадокс: даже в тех случаях, когда совершать несправедливость/совершать зло (wrong) правильно, эта несправедливость/это зло тем не менее остаётся несправедливостью/злом (wrong)» [12, p. 7]. Но, на наш взгляд, структура проблемы грязных рук (ПГР) возникает в любой нормативной области. В правовой сфере может сложиться ситуация, когда исполнение закона противоречит справедливости. В медицине возможен конфликт между конфиденциальностью и необходимостью предотвратить тяжкий вред. Наверное, в некоторых случаях необходимо нарушить тайну исповеди. И так далее.

1.3 Анализ структуры ПГР.

Как всё-таки понимать ПГР? Каким образом одно и то же действие может быть одновременно правильным и неправильным? Формальная логика, логическая формула не могут дать на это ответ. Перечислю некоторые варианты, которые, на мой взгляд, не объяснят ПГР.

Первое. Норма не может одновременно удовлетворяться и нет. (Парадеонтическая логика отбрасывается.) Второе. Оценочный во внешних контекстах релятивизм (в одном внешнем контексте действие оценивается как правильное, а в другом — как неправильное), на мой взгляд, ложен. Третье. Нет смысла говорить, что действие, которое удовлетворяет или нет одной норме (например, этической), удовлетворяет или нет какой-то другой этической норме. В этом смысле правы те критики ПГР,

[4] Согласно неовеберовской позиции К. Финлей «причина, по которой политическое лидерство часто связано с грязными руками, заключается в его связи с насилием»; при этом ПГР не следует ограничивать экстремальными формами насилия [13].

которые утверждают, что действие не может быть одновременно правильным и неправильным.

Говорят ещё, что в случае ПГР действие одновременно правильное и неправильное в одном и том же контексте. Но не имеет смысла сказать, что две различные нормы оценивают действие в одном и том же контексте, что действие в одном и том же контексте правильное и неправильное. Одним и тем же может быть лишь собственный контекст действия. Применение оценочной нормы расширяет этот контекст до нормативного (соответствующего этой норме) контекста. По отношению к оценивающим действие различным нормам, исходное действие выступает просто как элемент реальности, делание, причинный процесс, неопределённая в нормативном плане ситуация.

Другими словами, область реальности — политической, правовой, социальной, моральной и так далее — можно оценивать с точки зрения разных и разного вида норм, которые в той или иной ситуации эксплицируются и вступают в конфликт. ПГР возникает не только или, быть может, не столько из-за теоретической некогерентности нормативных моральных теорий, концептуальных смешений, сколько в самой реальности, в реальных ситуациях конфликтующих норм.

2 Сценарий с тикающей бомбой.

В статье 1973 года, Уолцер рассматривает следующий сценарий с тикающей бомбой (говорят ещё о «мысленном эксперименте»). «Столица охвачена террористическими акциями, и первое решение, перед которым оказывается новый лидер, таково: его просят санкционировать пытку захваченного лидера повстанцев, который знает — или, вероятно, знает — местоположение нескольких бомб, спрятанных в многоквартирных домах по всему городу и готовых взорваться в ближайшие двадцать четыре часа. Политик приказывает пытать лидера повстанцев, будучи убежден, что он должен делать так ради людей, которые в противном случае могут погибнуть при взрывах, — даже несмотря на то, что он считает, что пытка — это неправильно, более того, отвратительно не просто иногда, но всегда» [6, с. 102–103]. В статье 2023 года опи-

сывается сценарий, в котором бомба заложена в школе, и мы не знаем, в какой именно школе [20].

Таким образом, императив спасения людей перевешивает моральный запрет на пытки. Необходимо совершить зло во имя добра. Говорят, что в данном случае пытка — это наименьшее зло; она не только допустима, но и обоснована, и даже обязательна. Принимая во внимание все обстоятельства, бездействие официального лица может рассматриваться как аморальный поступок или преступление. Деонтология здесь сталкивается с консеквенциализмом, запрет на пытки с неприемлемыми последствиями. Сторонник ПГР, если он признает, что пытка действительно необходима, также признает и то, что тот, кто будет пытать и тот, кто принимает решение о пытке, совершают преступление, «пачкают» свои руки. Преступление необходимо, но остаётся преступлением. Поэтому человек, запачкавший свои руки, должен испытывать чувство вины. Он, быть может, даже должен быть наказан. Возникает проблема бесконечного регресса. Наказывая или не наказывая того, кто действовал аморально или преступно по необходимости, ради спасения людей, мы сами поступаем амбивалентно. Амбивалентность одного поступка ведёт к амбивалентности другого — наказания или ненаказания.

Что касается сценария с тикающей бомбой, то мы склонны согласиться с выводами Боба Бречера, что это фантазия. Он ни в коем случае не должен быть аргументом в пользу легализации или допустимости пыток в каких-то исключительных случаях. На пытку должен быть наложен абсолютный запрет [9]. На наш взгляд, мысленный эксперимент с тикающей бомбой изначально предполагает то, что он пытается представить как необходимость: в экстремальной ситуации пытка необходима; она позволит получить необходимую информацию и обезвредить бомбу, спасти людей; других возможностей избежать трагедии нет. На самом деле, это имплицитное предположение в мысленной конструкции, а не достоверность. Оно может оказаться ложным, и, на наш взгляд, оно ложное.

3 Абсолютистская и контекстуальная этики.

Иногда говорят, что ПГР показывает ограниченность абсолютистской этики, причём абсолютизм связывают именно с деонтологией (хотя консеквенциалисты/утилитаристы тоже трактуют свой принцип как абсолютный). К. Ник и С. Вейзе, например, пишут, что статья Уолцера «была написана как пылкое неприятие как абсолютистского (деонтологического), так и затратно-выгодного (cost/benefit) (консеквенциалистского) подходов к тому, как следует понимать наши реакции на трудные моральные дилеммы в политике» [17, p. 416]. В статье 2023 года сам Уолцер пишет: «Действующие лица в этом парадоксе — моральные абсолютисты, которые, тем не менее, считают, что абсолютизм не обязательно определяет, что им следует делать, а что нет. Они считают, что правила абсолютны в одном смысле, но не в другом. Правила не нерушимы, но если вы их нарушаете, вы совершаете ошибку и должны чувствовать вину, а не просто сожаление. В этом и заключается парадокс» [20]. С.Э.Дж. Коуди высказывает «предположение, что значительная часть смысла обращения к проблеме “грязных рук” проистекает из неоднозначного отношения к абсолютным моральным запретам, сочетающего в себе их неприятие с некоторой ностальгической привязанностью к их сути» [10]. Другими словами, теоретики ПГР признают «всеохватность» морали, но отвергают её абсолютное доминирование. То есть нормы и принципы остаются применимыми, не отменяются и в экстремальных сценариях, но не являются в них доминирующими.

Мы тоже критиковали этический абсолютизм, предлагая контекстуалистскую этику — контекстуальный этический реализм (КЭР) [4]. Мы полагаем, что сходство здесь лишь частичное. Контекстуализм совместим с абсолютной валидностью моральных норм и принципов, корректные употребления которых устанавливаются в контексте. КЭР отвергает тот абсолютизм, который утверждает априорность (и, следовательно, предопределённость) абсолютных моральных норм и принципов и предопределённость их применения во внешних контекстах.

4 ПГР как реальная проблема.

4.1 Макиавеллизм, консеквенциализм, спецификационизм.

Существует несколько способов отрицать существование ПГР или её неразрешимость без морального ущерба. При ближайшем рассмотрении они оказываются несостоятельными.

Макиавеллизм отрицает применимость обычной морали в государственном управлении, политике, отношениях между государствами, ведении войн. Обычно цитируют следующие слова Н. Макиавелли: «Государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости» [3, «Государь», гл. XV, с. 60]. «По справедливости, в его пользу говорит если не поступок, то результат (…). Ведь насилие заслуживает порицания тогда, когда оно направлено на разрушение, а не на исправление» [3, «Рассуждения и первой декаде Тита Ливия», гл. IX, с. 138]. Но их интерпретация и интерпретация позиции Макиавелли в целом неоднозначна. Можно, например, вообще отрицать или же существенно ограничивать, как это делает «политический реализм», применимость морали в политике[5], либо можно утверждать, что существует особая политическая (консеквенциалистская) мораль. В первом случае нарушается всеохватность морали. Во втором — мораль фрагментируется; разные этические системы оказываются применимыми в разных областях. Оба случая противоречат интуиции о том, что те, кто по долгу службы должен заботиться об общем благе, должны быть людьми моральными в понятном для всех смысле, хотя, быть может, в исключительных случаях им необходимо уметь идти на компромиссы.

[5] Позиция Макиавелли содержит известную долю реализма. Он пишет: «Правильнее следовать настоящей, а не воображаемой правде вещей» [3, гл. XV, с. 60]. «Хорошо употреблёнными жестокостями (если дурное дозволено назвать хорошим) являются те, к которым прибегают один раз, когда к этому понуждают интересы безопасности, а затем не упорствуют в них, но обращают, насколько это возможно, на пользу подданных. Дурно употреблённые жестокости — это те, которые поначалу могут быть незначительными, но с течением времени не прекращаются, а, наоборот, начинают множиться» [3, гл. VIII, с. 38]. «Хорошо употреблённое» дурное — это как раз и есть необходимое действие, совершаемое в исключительных случаях, чтобы избежать худшего или другого дурного.

М. Вебер ввёл различие между этикой убеждений (деонтологической христианской моралью) и этикой ответственности. Он считал, что зачастую политик вынужден поступаться своими убеждениями, поскольку несёт ответственность перед обществом за последствия своих решений [2][6]. Но он не отрицал, что в этом случае политик должен испытывать моральные переживания.

Консеквенциалисты это отрицают. Их позиция, согласно которой в сценарии с тикающей бомбой и подобных ему сценариях деонтологический запрет просто отменяется (то есть одна норма не просто превосходит другую, а нейтрализует её) и, следовательно, не возникает никакого морального ущерба, ПГР разрешается, тоже не представляется убедительной. Консеквенциалистский монизм, как и всякий абсолютистский монизм, включая деонтологический, неудовлетворителен, поскольку он не принимает во внимание чувствительность моральных норм и суждений к контексту.

Спецификационизм снимает ПГР, ограничивая права [12]. В сценарии с тикающей бомбой террорист просто лишается права не подвергаться бесчеловечной пытке, а в сценарии с тележкой права на жизнь лишается лежащий на рельсах пьяный человек. Такое искусственное ограничение прав человека, конечно, не является обоснованным и наносит ущерб самой идее прав человека.

Все три позиции — макиавеллизм, консеквенциализм и спецификационизм — отрицают существование побочного морального ущерба — «морального остатка». Если нет ничего предосудительного, то нет и сожалений, угрызений совести, раскаяния, наказания, а также моральной, материальной или какой-то другой компенсации невинно пострадавшим.

Мы разделяем точку зрения тех, кто утверждает, что ПГР — реальный парадокс, отражающий реальные ситуации. Достижение благой цели при помощи аморальных или преступных средств в исключительных случаях не отменяет их аморальный или преступный характер, хотя, быть

[6] Вот как Вебер понимает «убеждения»: «Исповедующий этику убеждений чувствует себя “ответственным” лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка» [2].

может, в той или иной мере и оправдывает их использование необходимостью («оправдывает» в смысле «извиняет»). Никакая моральная система и никакое законодательство не должны допускать исключений, разрешать «пачкать руки». Человек в конкретной экстремальной ситуации должен взять ответственность на себя, осознавая, чем он рискует. Окончательная оценка его поступка возможна лишь постфактум.

Х. Аронович приводит следующий пример: «В 2006 году Конституционному суду Германии было поручено решить вопрос о конституционности Закона об авиационной безопасности, который был должным образом принят парламентом. Этот закон, разработанный с учётом возможного будущего события, уполномочивал правительство отдавать приказ своим военным сбить захваченный самолёт с пассажирами на борту, если было очевидно, что самолёт будет использован в качестве ракеты против цели на территории страны. Суд пришёл к выводу, что закон неконституционен, поскольку нарушает положения Основного закона Германии, гарантирующие право на жизнь и человеческое достоинство невинных пассажиров, и заявил: «Используя их убийство как средство спасения других, […] они рассматриваются как объекты и лишаются той ценности, которая причитается человеку ради него самого» [8, p. 82].

4.2 Оправданные и обоснованные поступки.

Многие теоретики ПГР не делают различия между оправданным (в смысле извиняемым) и обоснованным (justified, зачастую переводят как «оправданный») поступком. Но то, что не может быть обосновано в тех или иных обстоятельствах, иногда может быть оправдано. Обоснование предполагает удовлетворение первичной (более сильной) норме, тогда как оправдание — более слабой (вторичной) норме [21]. ПГР имеет дело как раз с необоснованными, но оправданными (извинительными) действиями. Зазор между оправданием и обоснованием и обусловливал бы наличие грязных рук. Об обоснованности можно было бы говорить в идеальном случае, если бы не оставалось морального ущерба. Но что касается пытки, то, на наш взгляд, она не может быть ни обоснованной, ни оправданной. Мысленный эксперимент с тикающей бомбой основы-

вается на сомнительном предположении о наличие необходимой связи между пыткой и спасением людей.

4.3 Моральные и нормативные компромиссы.

Конфликты неизбежны, а компромиссы необходимы, чтобы избежать наихудшего. Компромиссы сами по себе не являются порочным (недопустимым); они могут иметь моральную ценность. Порочны, компрометируют моральные компромиссы. Последние М. Габриэль называет «ленивыми» (faule) компромиссами. «Этика должна избегать теоретически и практически ленивых (faule) компромиссов», — пишет он [15, S. 336]. «Теоретический ленивый компромисс — это отступление к плюрализму моральных ценностных суждений, чтобы обойти ситуативную безусловность» [15, S. 336]. Плюрализм понимается здесь не в смысле контекстуального плюрализма, а в смысле фрагментации и релятивизации морали. **«**Безусловность этики, — пишет Габриэль, — не ограничивается тем обстоятельством, что другие нормативные системы должны вмешиваться там, где конфликты уже не могут быть разрешены посредством этического познания участвующих лиц» [15, S. 335]. Габриэль трактует ПГР как столкновение моральных и неморальных норм: «Если конфликт не может быть разрешён на основании системы моральных норм, в ход идут другие нормативные системы» [15, S. 335]. В ситуации грязных рук компромисс является нормативно желательным, но это не моральный компромисс. Моральная предосудительность его признаётся. Чтобы достигнуть компромисса, имеющего моральную ценность, необходимо увидеть что-то положительное у другой стороны, а не поступаться своими моральными принципами. Наилучший компромисс максимально учитывает моральную реальность, все моральные факты, достигнутый моральный прогресс и сам способствует ему [15, § 19]. Цитируя определение компромисса, данное В. Занетти, Габриэль пишет: «Ключевой задачей институтов либерально-демократического конституционного государства является обеспечение механизмов ведения переговоров, “в которых участвующие стороны изменяют цель своих действий или сами действия ввиду расходящихся и непримиримых убеждений в направлении, приемлемом для всех сторон, но не считающемся

оптимальным ни одной из сторон" [22, S. 21]. В идеале функционирование этих процессов должно отражать предшествующий моральный прогресс, по которому мы можем измерять, помимо прочего, навыки ведения переговоров, управления конфликтами и дипломатии» [15, S. 335].

5 Принцип наименьшего зла и ПГР у С.Л. Франка.

Проблема, которая во второй половине 20 века получила название «проблема грязных рук», и тесно связанные с ней проблемой насилия и принцип наименьшего зла в той или иной форме рассматривались в философии всегда. Обратимся к русской философии. В работе «Оправдание добра» (1897 г.), критикуя этическую позицию Л.Н. Толстого, В.С. Соловьёв утверждает, что в некоторых случаях следовать принципу непротивления злу насилием означает фактически стать соучастником зла[7]. Принуждение — зло. Но если оно направлено на пресечение ещё большего зла, оно нравственно оправданно. По отношению к большему злу такое принуждение оказывается «относительным злом» и, следовательно, «относительным добром» [5].

Принцип наименьшего зла принимает С.Л. Франк. В своей работе «Свет во тьме», вышедшей примерно через двадцать лет после публикации в 1925 году книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», он предлагает свою версию христианской этики, которая избегает как апологии насилия в борьбе со злом, так и морального ригоризма Толстого. Для Толстого индивидуальное нравственное совершенствование является самоцелью. Ильин, напротив, допускает, что в борьбе со злом может потребоваться «духовный компромисс». Франк утверждает, что вклад в спасение мира, то есть в решение задачи «совершенствования мира в самом широком и общем смысле этого понятия» (см. [7, с. 253–254]) возможен только в виде личного совершенствования, морального действия. Насилие не может создать никакого добра. Но оно может ограничить зло, защитить добро. (Об этом же он пишет в своей работе «Смысл жизни» (1925).) По его мнению, и Ильин, и Толстой не различают эти

[7] Для точности отметим, что Толстой говорит о непротивлении насилием не злу, а злому, то есть злому человеку.

две задачи. Толстой предъявляет максималисткие требования к собственной моральной чистоте, а Ильин — к моральной чистоте общества. Толстой переоценивает возможность нравственного воздействия на окружающих, Ильин переоценивает силу нравственной чистоты борца со злом. Срединная позиция Франка следующая: «(…) *Христианский долг* вынуждает нас скорее брать на свою совесть *грех*, чем, блюдя нашу личную чистоту и святость, из-за бездействия оказаться повинным в торжестве в мире зла, с которым мы не вступили в борьбу. *Христианин обязан идти на грех в своей внешней борьбе со злом*, т. е. в деле ограждения мира от зла, в том случае, если перед голосом совести *грех бездействия будет больше греха, связанного с активным противодействием злу*» [7, с. 169]. (В работе «Смысл жизни», хотя и в несколько другом контексте, он ссылается на Евангелие от Луки: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет ее ради Меня, тот сбережет ее.» (9.24–25).)

На наш взгляд, Франк ближе к Ильину. Излагая позицию Франка, современный исследователь русской философии К.М. Антонов говорит, что для Франка, как и для Ильина, применение силы может быть долгом. Но, в отличие от Ильина, он не романтизирует праведное, то есть направленное против зла применение силы. У Ильина есть ощущение самоправедности, у Франка есть ощущение вины [1]. На наш взгляд — это как раз то самое ощущение вины, о котором говорят теоретики ПГР. Франк пишет: «Всякий грех, даже невольный, даже *морально обязательный*, обременяет душу и, при недостаточной чуткости совести, войдя в привычку, может ее развратить» [7, с. 175].

Как нам представляется, поздний Франк принимает этику долга, категорический императив, но это не кантианский категорический императив, который Франк, как и многие философы, в том числе и русские, отвергнул. Как отмечает Антонов, свой категорический императив Франк не формулирует, и его невозможно сформулировать. Вместо этого он вводит понятие целостного решения морального такта. Задача в том, чтобы в данных конкретных условиях найти исход наименее обременённый греховностью или в наибольшей мере удовлетворяющий требованиям морального долга [1]. В работе «Свет во тьме» Франк пишет:

«В состав *подлинно доброй воли* с самого начала должен входить нравственный такт, в ней должны соучаствовать и нравственное мужество, и чуткое нравственное внимание к подлинным нуждам людей, мудрость и широта горизонта в оценке подлинного значения нашего действия в данной конкретной обстановке мира» [7, с. 174]. «Нравственная активность в мире определяется в конечном итоге (…) неким *нравственным тактом*, — живым чутьем того, какой именно закон, в какой форме и в какой мере может и должен быть применен в данном конкретном случае, чтобы была подлинно достигнута общая цель закона — противоборство злу мира, — или, точнее, какой именно нравственный акт, какое конкретное нравственное решение и действие при данных конкретных условиях соответствует этой общей цели закона. (…) Ввиду непреодолимости до конца мирового зла именно этот здоровый нравственный такт вынуждает человека терпеть меньший грех — а иногда и *совершать* меньший грех, — чтобы преодолеть грех больший» [7, с. 182][8]. Франк также вводит «принцип конкретной эффективности нашей моральной активности» [7, с. 175]. Для него «*мерилом правильности или совершенства поведения в отношении жизни в мире является не чистота или безгрешность действия, а только его необходимость для наиболее эффективного ограждения мира от зла*» [7, с. 172–173][9]. Это сближает его позицию с нашей собственной позицией — контекстуальным этическим реализмом (КЭР), согласно которой суть морали в чувствительности, восприимчивости к этическому контексту, а также в принятии логически достоверных базовых этических убеждений. Только в случае ПГР речь идёт не о единственно правильном этическом поступке, а выборе наименьшего зла. Для этого тоже необходима этическая восприимчивость. Принятие позиции КЭР не избавляет нас от ПГР, хотя и облегчает её анализ.

[8] Недавно на одной конференции мы услышали такое определение: этика — это о выборе между злом и наименьшим злом. На наш взгляд, это неверно. Зло предполагает добро; оно вторично, тогда как добро первично. Норма добра может удовлетворяться, поскольку это удовлетворение контекстуально. Зло — отклонение от добра.

[9] Сравните с тем, что говорит Габриэль об измерении компромиссов моральным прогрессом [15, § 13].

Франк признаёт необходимость компромисса, но не морального компромисса, не принятие принципа «цель оправдывает средства» или утилитаризма/консеквенциализма. Для него «принцип “цель оправдывает средства” безнравственен совсем не потому, что он при известных условиях прощает или санкционирует действия, которые сами по себе греховны. Он безнравственен потому, что он релятивирует святыню добра и безусловное повиновение моральному долгу подменяет рационально-утилитарным расчетом моральных прибылей и убытков.» Моральная ситуация, которую Франк пытается уяснить, иная. Она «сходна только с состоянием, которое наука уголовного права называет *состоянием крайней необходимости*, — с тою только разницей, что необходимость, о которой здесь идёт речь, определена не потребностью самосохранения, а безусловным требованием («категорическим императивом») морального долга. (…) Человек против своей воли поставлен в *трагическую необходимость* жертвовать моральной чистотой отдельного своего действия во имя требования любви к ближнему. Отнюдь не “оправдывая” в абсолютном смысле своего греховного действия, а сознавая его греховность, он руководим лишь сознанием, что *бездействие* было бы *еще большим грехом*. Само подведение этой ситуации под категориальное соотношение “средств” и “цели” не адекватно существу дела. Постановка “цели” не зависит здесь от усмотрения человека, а повелительно предписана ему моральным долгом. И “средства” здесь не просто холодно учитываются по одной их целесообразности, а оцененные во всей совокупности и *неумышленных* их последствий, во всей их конкретной моральной природе, они *навязываются* нашему сознанию как единственный морально обязательный, несмотря на их греховность, путь нашей активности» [7, с. 172–173].

На наш взгляд, ситуация, которую пытается уяснить Франк, как раз ситуация, в которой возникает ПГР. Причём позиция Франка сближается с позицией Уолцера. Отличие, быть может, в том, что у Франка, как кажется, сталкиваются не деонтологическая и консеквенциалистская нормы и две деонтологические нормы. Напротив, взгляды Ильина ближе взглядам тех современных философов, которые отрицают наличие сопутствующего морального ущерба, если действие обусловлено выс-

шей необходимостью. Для Ильина нет вины, нравственная чистота сохраняется, если намерения правильные, насилие совершается ради добра. Для Франка при применении насилия вина всегда присутствует, нравственная чистота нарушается.

Заключение

Ряд авторов считает, что существует конвергенция нормативных этических теорий (деонтологии, консеквенциализма, контрактуализма, обыденной морали, этики добродетели), в частности, что касается деонтических вердиктов в некоторой области этических суждений [11; 16]. Если этические теории действительно сходятся, то некоторые версии ПГР — межтеоретические этические дилеммы — не возникают или ослабляются[10].

С реалистической точки зрения существование нормативных конфликтов является стимулом к социально-экономическим, политическим, правовым и моральным инновациям. Моральный прогресс состоит в создании условий, при которых такого рода проблемы не возникают. Однако с неизбежностью будут возникать новые конфликтные ситуации, которые придётся разрешать новыми методами. Само существование морали предполагает, что мы во многих случаях ошибаемся в наших моральных суждениях и поступках, а также иногда вынуждены неосознанно или осознанно нарушать нормы морали [14; 15].

Список литературы

1. Антонов К. М. От Канта к Франку: этика долга и проблема сопротивления злу в русской мысли [Электронный ресурс] БФУ им. И. Канта, г. Калининград, 12–13.11.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fJ6RE4aGaqo&t=2482s (дата обращения: 27.05.2026).
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. и вступительная статья А.Ф. Филиппова; ред. А.А. Рындин. М.: Рипол-классик, 2018. 292 с.

[10] Некоторые авторы считают, что ПГР вообще не существует (см., например, [18]).

3. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с ит. М. Юсима. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 512 с.
4. Прись И.Е. Контекстуальный моральный реализм // Сибирский философский журнал. 2023. Том. 21 № 4. С. 5–28.
5. Соловьёв В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьёв; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012. 656 с.
6. Уолцер М. Политическое действие: Проблема грязных рук / М. Уолцер; пер. с англ. Васильев А.В. // Дискурсы этики. 2025. Т. 28 № 4. С. 89–121.
7. Франк С.Л. Свет во тьме. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/svet-vo-tme/ (дата обращения: 27.05.2026).
8. Aronovitch H. Virtues for the Vocation of Politics: Clean Hands, Not Tender Hearts // International Journal of Applied Philosophy. 2020. Vol. 34 No. 1. P. 73–88.
9. Brecher B. Torture and the ticking bomb. Blackwell, 2007. 134 p.
10. Coady C.A.J. The problem of dirty hands [Electronic resource] Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/dirty-hands/ (date of access: 02.05.2026).
11. Dietrich F., List C. What Matters and How it Matters. A Choice-Theoretic Representation of Moral Theories // Philosophical Review. 2017. Vol. 126. No. 4. P. 421–479.
12. Eggert L. Dirty Hands Defended // Journal of Moral Philosophy. 2025. Vol. 22. No. 1–2. P. 1–20.
13. Finlay C. Political Violence: The Problem of Dirty Hands // The Journal of Ethics. 2023. Vol. 27. P. 561–583.
14. Gabriel M. Sense, nonsense, and subjectivity. Harvard UP, 2024. 296 p.
15. Gabriel M. Moralische Tatsachen Beck, 2025. 463 S.
16. Kappel K., Andersen F.J., Lange V. [et al.]. On the Epistemic Significance of Convergence // Ethical Theory Ethical Theory and Moral Practice. 2026. Vol. 29. P. 5–20.
17. Nick C., de Wijze S. 50 Years of Dirty Hands: An Overview // Journal of Ethics. 2023. Vol. 27. P. 415–439.
18. Nielsen K. There is No Dilemma of Dirty Hands // Politics and Morality / Springer, 2007. P. 20–37.
19. Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs. 1973. Vol. 2. No. 2. P. 160–180.
20. Walzer M. Dirty hands revisited // Journal of Ethics. 2023. Vol. 27. P. 415–439.
21. Williamson T. Justifications, Excuses, and Sceptical Scenarios // The New Evil Demon. Forthcoming.

References

1. Antonov K.M. *Ot Kanta k Franku: etika dolga i problema soprotivleniya zlu v russkoy* mysli. [From Kant to Frank: Ethics of Duty and the Problem of Resistance to Evil in Russian Thought] Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 12–13 November 2021. Available from: URL: https://www.youtube.com/watch?v=fJ6RE4aGaqo&t=2482s [Accessed 27th May 2026].
2. Weber M. *Politika kak prizvaniye i professiya* [Politics as a Vocation and Profession] Tr. from German with an introductory article by A.F. Filippov; edited by A.A. Ryndin. Moscow: Ripol-classic; 2018.
3. Machiavelli N. *The Prince*. Tr. from Italian by M. Yusim. St. Petersburg: Azbuka-Atticus; 2015.
4. Pris I.E. Kontekstualnyy moralnyy realizm [Contextual Moral Realism], *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 2023. Vol. 21. No. 4, pp. 5–28.
5. Solovyov V.S. Opravdaniye dobra [The Justification of the Good] Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization. Algorithm; 2012.
6. Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands. Tr. from English by A.V. Vasiliev, *Discourses of Ethics*. 2025; 4(28):89–121.
7. Frank S.L. Svet vo tme [Light in the Darkness] Available from: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/svet-vo-tme/ [Accessed 7th May 2026].
8. Aronovitch H. Virtues for the Vocation of Politics: Clean Hands, Not Tender Hearts. *International Journal of Applied Philosophy*. 2020; 1(34):73–88
9. Brecher B. *Torture and the ticking bomb*. Blackwell; 2007.
10. Coady C.A.J. The problem of dirty hands. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available from: https://plato.stanford.edu/entries/dirty-hands/ [Accessed 2th May 2026].
11. Dietrich F., List C. What Matters and How it Matters. A Choice-Theoretic Representation of Moral Theories. *Philosophical Review*. 2017; 4(126): 421–479.
12. Eggert L. Dirty Hands Defended. *Journal of Moral Philosophy*. 2025; 1-2(22): 1–20.
13. Finlay C. Political Violence: The Problem of Dirty Hands. *The Journal of Ethics*. 2023; 27:561–583.
14. Gabriel M. *Sense, nonsense, and subjectivity*. Harvard UP; 2024.
15. Gabriel M. *Moralische Tatsachen*. Beck; 2025.
16. Kappel K., Andersen F. J., Lange V. [et al.]. On the Epistemic Significance of Convergence. *Ethical Theory Ethical Theory and Moral Practice*. 2026; 29:5–20.
17. Nick C., de Wijze S. 50 Years of Dirty Hands: An Overview *Journal of Ethics*. 2023; 27: 415–439**.**

18. Nielsen K. There is No Dilemma of Dirty Hands. *Politics and Morality*. Springer, 2007; 20–37.
19. Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands *Philosophy & Public Affairs*. 1973; 2(2):160–180.
20. Walzer M. Dirty hands revisited. *Journal of Ethics*. 2023; 27: 415–439**.**
21. Williamson T. Justifications, Excuses, and Sceptical Scenarios. *The New Evil Demon*. Forthcoming.
22. Zanetti V. *Spielarten des Kompromisses*. Berlin; 2022.

Дискурсы этики. 2026, 3(31): 35–56
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_35-56.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-35-56

УДК 821.161.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЮРОДИВОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Арсибекова В. С.

статья:
поступила в редакцию 22.04.2026
принята к публикации 31.07.2026
опубликована (онлайн) 25.11.2026

© Арсибекова Валерия Сергеевна
магистрантка 1 курса Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
адрес для корреспонденции: larsibekova@mail.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: В статье исследуется трансформация образа юродивого в русской литературе XIX века — от первых эпизодических опытов до зрелых реалистических воплощений. На основе анализа произведений А.С. Пушкина («Борис Годунов»), Л.Н. Толстого («Детство»), Ф.М. Достоевского («Идиот», «Преступление и наказание»), Н.С. Лескова («Очарованный странник», «На краю света»), А.Н. Островского («Гроза», «Лес») и В.В. Крестовского («Петербургские трущобы») и других авторов выдвигается гипотеза о том, что XIX веке происходит секуляризация образа. Юродивый утрачивает исключительно церковную природу, как это было изначально, и превращается в светскую фигуру — носителя высшей правды и «голос совести» народа. Юродивый становится автономным этическим феноменом и его нравственный авторитет зиждется не на чу-

де или церковной санкции, а на жертвенности, предельной уязвимости и способности к состраданию.

Автор выделяет основные критерии юродивого в литературе: сознательное нарушение социальных норм, мудрость за личиной безумия, обличительная функция и др. Особое внимание уделяется этическому измерению образа: от пушкинского Николки, выносящего суд над царём, до «блаженных» героев Крестовского, обличающих социальное дно капиталистического Петербурга. Автор приходит к выводу, что литературный юродивый XIX века становится барометром духовного состояния общества, индикатором его ценностных ориентиров. Сегодня обращение к этой теме сохраняет непреходящее значение: правда часто находится не в центре, а на периферии, не у обладающих властью, а у тех, кто от неё отказался.

Ключевые слова: юродивый, русская литература XIX века, секуляризация, мораль, этика, правда, совесть, маргинальность.

Discourses of Ethics. 2026, 3(31): 35–56
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_35-56.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-35-56

THE IMAGE OF THE HOLY FOOL AND ETHICAL QUESTS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH

Arsibekova Valeria

received 22.04.2026
accepted 31.07.2026
published (online) 25.11.2026

© Valeria S. Arsibekova
1st-year Master's Student at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
Correspondence to: larsibekova@mail.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article examines the transformation of the holy fool image in 19th-century Russian literature — from the first episodic experiments to mature realistic incarnations. Based on an analysis of works by A.S. Pushkin (Boris Godunov), L.N. Tolstoy (Childhood), F.M. Dostoevsky (The Idiot, Crime and Punishment), N.S. Leskov (The Enchanted Wanderer, On the Edge of the World), A.N. Ostrovsky (The Thunderstorm, The Forest), V.V. Krestovsky (Petersburg Slums), and other authors, the article puts forward the hypothesis that the 19th century witnesses a secularization of the image. The holy fool loses his exclusively ecclesiastical nature, as it originally was, and turns into a secular figure — a bearer of higher truth, the "voice of conscience" of the people. The holy fool becomes an autonomous ethical phenomenon, whose moral authority rests not on miracles or church sanction, but on self-sacrifice, extreme vulnerability, and the capacity for compassion.

The author identifies the main criteria of the holy fool in literature (deliberate violation of social norms, wisdom behind the mask of madness, a critical, denunciatory function, etc.). Special attention is paid to the ethical dimension of the image: from Pushkin's Nikolka, who passes judgment on the tsar, to the "blessed" characters of Krestovsky, who denounce the social underworld of capitalist Petersburg. The author concludes that the literary holy fool of the 19th century becomes a barometer of the spiritual state of society, an indicator of its value orientations. Today, the exploration of this theme retains its enduring significance: truth is often found not at the center, but on the periphery — not among those who hold power, but among those who have renounced it.

Keywords: Holy Fool, 19th-Century Russian Literature, Secularization, Moral, Ethics, Truth, Conscience, Marginality.

Рождение секулярного юродивого: Пушкин и Толстой

Кардинальная трансформация образа начинается в XIX веке, в эпоху секуляризации, когда церковь перестаёт иметь ключевое значение. Религиозный подвиг юродства начинает переосмысляться в художественных формах: юродивый всё ещё напрямую связан с верой, но уже свободен от церковного института.

Первой вехой становится трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Образ Николки-юродивого выполняет в пьесе функцию нравственного камертона. Его реплика «*Нельзя молиться за царя Ирода*» в финале трагедии — это акт высшего морального суда, который выносится не от лица церковной иерархии или государственной власти, а от лица «безумного», то есть того, кто стоит вне этих институциональных структур.

Анализ пушкинского Николки позволяет говорить о нём как о первом в русской литературе опыте воплощения юродивого вне агиографического канона. Николка далёк от церковного влияния. У этого героя нет житийного прошлого, нет вериг и явных чудес. Пушкин сознательно отказывается от каких-либо указаний на святость: «безумие» героя проявляется лишь в странном поведении (плачет, поёт песенку, прячется от мальчишек). Однако именно этот маргинальный персонаж оказывается единственным, кто сохраняет способность к недвусмысленному моральному суждению в мире, где все остальные (от Бориса до Самозванца, от Шуйского до Басманова) погружены в политическую игру и моральный релятивизм.

Пушкинский Николка не обличает конкретные политические действия, он обнажает самую суть нравственной катастрофы: убийство царевича Димитрия делает невозможным молитву за царя, разрывает сакральную связь между властью и народом. Этический смысл этой сцены чрезвычайно ценен. В мире, где все персонажи так или иначе вовлечены в политическую игру, где сама совесть оказывается раздробленной и релятивизированной (вспомним муки Бориса Годунова, который одновремен-

но и царь, и убийца), юродивый сохраняет способность к недвусмысленному моральному суждению. Однако важно отметить: пушкинский Николка лишён сакрального ореола, его сила — не в чудесах или пророчествах, а исключительно в слове правды. Пушкин тем самым совершает явную секуляризацию образа: юродивый предстает не как святой, но как нравственный максималист, чья правота подтверждается не божественным авторитетом, а силой личного свидетельства.

Л.Н. Толстой в повести «Детство» (1852) предлагает иную, но не менее значимую трактовку образа. Гриша, странник и юродивый, появляющийся в доме Иртеньевых, — это воплощение народной, стихийной веры. Толстой акцентирует не столько обличительную функцию, сколько молитвенное горение. Для Толстого юродство — форма «естественной» религии, противостоящей общепринятому обрядовому благочестию.

Толстой сознательно снижает пафос житийного юродства, изображая его с позиции «детского» и одновременно просвещённого взгляда. Рассказчик-Николенька описывает Гришу с подробностями, которые подрывают традиционный ореол святости: «*На ногах его были надеты большие тяжелые вериги; он был в лохмотьях, с непокрытой головой, с длинными, спутанными волосами».* Писатель не скрывает физиологических деталей (храп, слюна, неловкость), но именно через эту бытовую, «негероическую» детализацию он создает эффект подлинности. Этическая ценность Гриши — не в чудесах, а в его способности к молитве, в той «благоговейной тайне», которую чувствует вокруг него детская душа.

Этика толстовского юродивого — это этика непроизвольной святости, которая рождается не из сознательного подвига, но из глубины народного духа, из его соборности. Гриша не обличает пороки Иртеньевых, он просто «есть» — и его присутствие заставляет даже светских людей (бабушку, мать) испытывать смутное чувство трепета. Толстой показывает, что народное благочестие, даже в его наивных и неканонических формах, сохраняет нравственный потенциал, утраченный официальной церковностью и светской культурой.

Достоевский: юродство как экзистенциальная категория

У Ф.М. Достоевского юродство становится не просто одной из характеристик персонажа, а фундаментальной экзистенциальной категорией, позволяющей поставить вопрос о судьбе христианского идеала в секулярном мире. Князь Лев Николаевич Мышкин из романа «Идиот» (1869) — это вершина трансформации образа юродивого в XIX веке. Достоевский создает персонажа, в котором агиографические черты юродивого синтезированы с проблематикой современного ему интеллигентского сознания. Мышкин — «юродивый Нового времени», чья трагедия заключается в невозможности «святого» существования в условиях модерна.

Столкновение Мышкина с петербургским обществом — это не просто конфликт «чистого сердца» с пороком. Это катастрофа самого принципа абсолютной этики. Наивность князя, его неспособность к лицемерию, его всепрощающая любовь оказываются не просто неадаптивными, а даже разрушительными. Достоевский обнажает трагический парадокс: в мире, утратившем онтологические основания добра, подлинная святость становится не спасением, а катализатором катастрофы.

Князь Мышкин наделен теми качествами, которые в древнерусской традиции делали юродивого прозорливцем: он видит глубинную, «божественную» сущность человека. Он мгновенно распознает в Настасье Филипповне не «падшую», а страдающую душу; он чувствует в Рогожине не убийцу, а брата. Однако именно эта способность провоцирует трагическую развязку. Мышкин не может спасти никого, потому что в мире, где нет благодатной среды, где добро не институционализировано, индивидуальная святость бессильна.

Достоевский вводит в роман мотив «идиотизма» — не только в клиническом смысле, но и в этическом: князь «не от мира сего», он не способен функционировать в системе социальных компромиссов. Его юродство проявляется в том, что он отказывается от той «нормальной» дистанции между людьми, с которой общество привыкло существовать. Он хочет быть «всеми братом», но в мире, где каждый защищен маской, такая открытость становится разрушительной.

Достоевский так же лишает Мышкина традиционных атрибутов юродства: нет вериг, нет эпатажного поведения, нет наготы. Его «безумие» — это безумие любви, которая в секулярном мире воспринимается как патология. В этом смысле Мышкин — наследник древнерусских юродивых, но его судьба обнажает кризис этического абсолюта. Достоевский показывает, что в условиях модерна, когда церковь утратила роль нравственного арбитра, а государство и общество строятся на началах выгоды, «святой» не может быть услышан; более того, его присутствие только обостряет зло.

Кроме Мышкина, Достоевский создает целую галерею персонажей, несущих в себе юродские черты. Мармеладов в «Преступлении и наказании» — это травестированный юродивый, чьё пьянство и унижение становятся формой добровольного мученичества, своеобразной «похабной» аскезой. Соня Мармеладова — юродивая-праведница, чья «безумная» жертвенность (выход на панель ради семьи) оказывается единственным нравственным ориентиром для Раскольникова. Алёша Карамазов наследует мышкинскую линию «светского юродивого», но в «Братьях Карамазовых» Достоевский уже намечает путь к возрождению общинной, соборной святости, преодолевающей трагическое одиночество Мышкина.

Лесков: национальная стихия и этика правды

Н.С. Лесков в «Очарованном страннике» (1873) создаёт образ Ивана Северьяновича Флягина — «юродивого-стихийника». В отличие от интеллектуализированного юродства Достоевского, Флягин — это человек из самой гущи народной жизни. Лесков демонстрирует радикальную для своего времени мысль: русская «праведность» может рождаться не из книжной учености или аскетического подвига, но из самой стихии жизни, из глубины народного опыта.

Образ Флягина иллюстрирует уникальную этическую конструкцию: герой Лескова нарушает все мыслимые моральные запреты (убивает монаха, виновен в гибели цыганки Груши, пьянствует, ведет разгульную жизнь), но при этом сохраняет нерефлексивную, органическую связь с правдой. Его юродство проявляется не в маске безумия, а в «детско-

сти» мировосприятия, в отсутствии внутренней рефлексии и лицемерия. Флягин не рефлексирует о добре и зле, но интуитивно, «сердцем» выбирает правду.

Этическая уникальность лесковского юродивого заключается в его нерефлексивной святости. Лесков показывает, что народная этика — это не система правил. Это живое, органическое чувство правды, которое может сохраняться даже в самых греховных обстоятельствах. Флягин убивает, грешит, но каждое его падение оборачивается новым духовным опытом. Его «очарованность» жизнью — это та самая стихийная религиозность, которая, по мысли Лескова, составляет основу русского национального характера.

Важной чертой образа Флягина является его «странничество». Он не имеет постоянного дома, он всегда «в пути», и это физическое странствие становится метафорой духовного поиска. В отличие от пушкинского Николки, который статичен, или мышкинского «сидения» в Петербурге, Флягин движется по пространству России, и каждая остановка открывает ему новую грань жизни. Лесков подчёркивает, что русская праведность — это не укорененность в традиции, а способность к преодолению, к переходу через границы.

Финальный выбор Флягина — уйти в монастырь, но не в качестве «святого», а в качестве послушника, готового в любой момент взять оружие для защиты Отечества, — подчеркивает двойственность лесковского юродивого. Он одновременно и монах, и воин, и грешник, и праведник. Эта антиномичность — прямой наследник древнерусского юродства, но перенесенный в плоскость национального характера, а не церковного подвига.

Лесков создаёт и других персонажей, несущих в себе юродские черты. Например, рассказе «На краю света» (1875) образ православного миссионера-юродивого, идущего в сибирскую глушь, позволяет автору исследовать границы между христианским подвигом и культурным высокомерием. Для Лескова истинное юродство — это форма радикальной веры, способная преодолевать любые культурные барьеры. Миссионер, который добровольно принимает на себя личину «безумного», чтобы быть услышанным язычниками, — это ещё одна грань секуляр-

ного юродивого, чья святость измеряется не канонической правильностью, а действенной любовью.

Юродивые в драматургии А.Н. Островского: народная этика и социальная сатира

Особое место в галерее литературных юродивых занимают персонажи драматургии А.Н. Островского, посвящённые жизни купеческого сословия и народной России. В пьесах драматурга образ юродивого приобретает специфические черты, связанные с театральной природой самого жанра и с островским интересом к национальному быту.

В драме «Гроза» (1859) образ юродивой барыни (полубезумной старухи, которая появляется с двумя слугами и пророчествует) выполняет функцию нравственного предостережения. Ее слова «Красота-то ведь в омут затягивает» обращены к Катерине и становятся зловещим предзнаменованием трагической развязки. Островский не наделяет этот персонаж развернутой биографией или психологической глубиной; барыня предстает как функциональный юродивый, чья роль — быть «голосом судьбы», обнажать скрытые угрозы.

Островский также отказывается от психологической индивидуализации этого персонажа, чтобы подчеркнуть его архетипическую природу. Барыня — это не столько конкретный человек, сколько рупор народного суеверия, голос «тёмного царства», который одновременно и предостерегает, и нагоняет страх. Её маргинальность (она находится за пределами семейно-родственных связей города, её видят только на бульваре, в общественном месте) позволяет ей быть «внешним» голосом, который слышат, но не воспринимают всерьёз. Эта слепота мира по отношению к правде юродивой становится частью этической драмы: предостережение произнесено, но не услышано, и гибель Катерины становится неизбежной.

Этический смысл этого образа раскрывается в контексте калиновского мира, где все живут по законам лицемерия и страха («тёмное царство»). Юродивая барыня — единственный персонаж, который говорит правду прямо, пусть и в форме безумных пророчеств. Однако её слово оказы-

вается бессильным, потому что оно принадлежит маргиналу, чей голос не имеет веса в иерархическом мире Кабанова и Дикого.

Более сложный и разработанный образ юродивого Островский создаёт в драме «Лес» (1870). Аркадий Счастливцев, трагический актер, странствующий вместе с комиком Несчастливцевым, наследует многие черты юродской традиции. Его «безумие» — это осознанно принятая личина, за которой скрывается глубокая душевная рана. Аркадий — человек, который «потерял лицо» в социальном смысле, но именно это позволяет ему видеть людей «реальными».

Анализ образа Аркадия Счастливцева требует понимания тесной связи между юродством и лицедейством, которую Островский осознавал как одну из фундаментальных черт русской народной культуры. Аркадий — актёр, то есть человек, чья профессия заключается в перевоплощении, в ношении масок. Но именно эта способность к перевоплощению позволяет ему сбрасывать социальные маски и видеть суть вещей. Его юродство проявляется в эксцентричном поведении, в склонности к шутовству, и за этой маской обнаруживается способность к состраданию и самопожертвованию.

Этическая проблематика «Леса» строится вокруг противостояния «настоящих» людей (актёров, юродивых, маргиналов) и «фальшивых» представителей дворянско-купеческого мира (Гурмыжская, Буланов, Милонов). Аркадий, как и его товарищ Несчастливцев, — носитель подлинной неинституционализированной нравственности. В финале пьесы именно Несчастливцев, который берёт на себя роль «судьи», выносит приговор лицемерию, а Аркадий становится его союзником. Театральность, искусственность поведения юродивого (или актёра в этом случае) оказывается формой доступа к правде, которая невыразима на языке серьёзной, социально адаптированной речи.

«Петербургские трущобы» В.В. Крестовского: юродивый в урбанистической бездне

В контексте трансформации образа интересно рассмотреть роман Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы» (1864–1867). Это произведение, написанное в русле «физиологического очерка» и уголовно-

го романа, предлагает уникальный вариант юродивого, существующего уже не в патриархальном городе Калинове и не в усадебной дворянской среде, а в бездонной урбанистической стихии столицы.

В этом грандиозном паноптикуме петербургского дна Крестовский выводит целую галерею персонажей, несущих в себе юродские черты, но при этом полностью лишённых сакрального ореола. Наиболее ярким примером служит образ «блаженненькой» — странницы или нищенки, которая, находясь на самой низшей ступени социальной лестницы, обретает способность к нравственному суду над обитателями «трущоб». В отличие от древнерусских юродивых, чей авторитет освящался церковным преданием, крестовская «блаженненькая» — это продукт городской маргинализации, человек, доведенный до грани безумия нищетой и насилием.

Мы можем выделить несколько ключевых черт, отличающих юродивых Крестовского от предшествующей традиции. Во-первых, Крестовский совершает радикальную *десакрализацию юродства*. Его героини не творят чудес, не пророчествуют в религиозном смысле; их «блаженство» — это форма выживания на грани безумия, которая парадоксальным образом сохраняет в них человеческое достоинство, а главное — этическое зрение. Во-вторых, Крестовский связывает юродство с *социальным протестом*. Если у Пушкина или Достоевского юродивый обличал экзистенциальный грех (жестокость, гордыню), то у Крестовского он обнажает социальное зло — несправедливость капиталистического города, равнодушие сытых к голодным.

В романе несколько персонажей несут юродскую функцию. Старуха-прорицательница, живущая в трущобах, — это фигура, сочетающая черты народной знахарки и юродивой. Её предсказания сбываются, но это не чудеса в агиографическом смысле, а интуитивное знание закономерностей социального мира. Сумасшедший офицер, появляющийся в некоторых эпизодах, — это ещё одна вариация юродивого: человек, чьё безумие является результатом травмы, но который в своём безумии обретает способность говорить правду. Эти люди способны говорить правду именно потому что «не запятнаны» институциональностью, формализацией и Бартовской доксой.

Крестовский пишет о том, что в мире, где всё продается и покупается, где человеческая жизнь обесценена, фигура «блаженного» маргинала становится последним оплотом совести. Этический авторитет этих героев основан не на святости, а на их предельной уязвимости и жертвенности. Они существуют поверх любых институциональных принципов — и церковных, и государственных, — их слово не имеет силы закона, но оно сохраняет силу свидетельства. В этом смысле Крестовский подготавливает почву для появления в литературе «светского юродивого», чья святость измеряется не отношением к Богу, а мерой их сострадания к человеку.

Кроме того, в «Петербургских трущобах» важна топология юродства. Если в древней Руси юродивый был публичной фигурой, он действовал на торгу, у паперти, на перекрёстках, то в петербургском романе Крестовского юродивый загнан в «трущобы» — подвалы, чердаки, ночлежные дома. Это символическое перемещение на дно города указывает на то, что правда и совесть в капиталистической цивилизации вытесняются на периферию, в пространство, которое «приличное общество» предпочитает не замечать. Но именно там, в этой урбанистической бездне, сохраняется этическое измерение, которое исчезло из парадных залов и чиновничьих кабинетов.

Нехрестоматийные образы

Помимо хрестоматийных образов, в русской литературе XIX века можно найти ряд менее известных, но не менее значимых воплощений юродивого, чьё этическое измерение заслуживает пристального внимания.

В рассказе Н.В. Гоголя «Страшная месть» (1831) образ старца-бандуриста, появляющегося в финале, несёт в себе черты юродского пророчества. Этот персонаж — немой свидетель страшных событий, его песнь становится формой исторической памяти и морального суда над преступлением. Гоголь использует архаическую, фольклорную версию юродства, связанную с образом «блаженного» странника, который хранит правду о прошлом. Старец не обличает впрямую, он поет песню,

и эта песнь оказывается страшнее любого обличения, потому что она несёт в себе не субъективную оценку, а объективную память рода.

В повести А.И. Герцена «Сорока-воровка» (1848) появляется образ странника-юродивого, который становится голосом народного заступничества. Герцен, с его интересом к социальной проблематике, акцентирует в юродивом его антикрепостнический потенциал. Именно «безумный» оказывается способным сказать правду о несправедливости крепостного права в ситуации, когда официальная публицистика и институциональная церковь молчат. Герценовский юродивый — это уже полностью светская фигура, этический активист, чья «безумная» речь обнажает лицемерие социального порядка. В этом смысле Герцен продолжает линию, намеченную Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», где образ слепого нищего-певца выполняет аналогичную функцию.

В рассказе Н.С. Лескова «На краю света» (1875), уже упоминавшемся, образ православного миссионера, который добровольно принимает на себя личину юродивого, чтобы быть услышанным язычниками, представляет собой ещё одну грань секуляризации. Лесков показывает, что в условиях, когда официальная проповедь бессильна, только «безумная» любовь, готовая на унижение, может пробить стену недоверия. Миссионер-юродивый — это не столько церковный подвижник, сколько человек, который сознательно отказывается от всех привилегий культурного превосходства ради действенной помощи.

Эволюция языка юродивого в литературе XIX века

В древнерусской традиции язык юродивого был парадоксальным, алогичным, но всегда укоренённым в библейской символике. В литературе XIX века этот язык претерпевает существенные изменения.

У Пушкина Николка говорит на народном, почти фольклорном языке: «Нельзя молитвовать за царя-Ирода, Богородица не велит». Это простое, почти детское изречение, но в контексте трагедии оно обретает силу приговора. У Толстого Гриша вообще почти не говорит, его язык — это язык тела, жеста и плача. Толстой акцентирует невербальную природу образа.

Язык Достоевского юродивого (Мышкина) — это язык абсолютной искренности, который в мире лицемерия воспринимается как неприличный, бестактный. Его коммуникативное поведение скромно, христоподобно [17]. Но Мышкин говорит то, что думает, и это его «безумие». Достоевский показывает, что в секулярном мире язык правды неизбежно приобретает черты юродства, потому что он нарушает «нормальные» правила коммуникации.

Юродивая барыня Островского говорит языком пророчеств, лишённый конкретной адресности. Она говорит общими формулами («Красота — в омут»), которые могут быть истолкованы по-разному. Эта неопределённость — часть юродской стратегии: правда должна быть услышана, но не навязана.

У Крестовского язык юродивых — это язык городского дна, смесь народного говора, уголовного арго и бессвязного бормотания. Крестовский фиксирует деградацию языка вместе с деградацией социального статуса, но именно в этом сломанном, искалеченном языке сохраняется этический импульс.

Мы приходим к следующему выводу. Если в древнерусской традиции парадоксальность языка юродивого служила способом обличения греха во имя Бога, то в XIX веке этот язык постепенно утрачивает религиозную определённость, но обретает новые смыслы.

Юродивый превращается из носителя божественного откровения в маргинального правдолюбца, язык которого — будь то детское изречение, молчаливый плач, опасная искренность, туманное пророчество или косноязычие дна — всякий раз обнажает ложь «нормального» мира. Литература XIX века секуляризует юродство, но тем самым возводит его в ранг универсальной культурной модели: говорить правду становится так же невозможно и социально опасно, как безумствовать во Христе.

Исторические влияния и трансформация этического содержания в XIX веке

Трансформация образа не была самодостаточным процессом; она отражала глубокие изменения в общественном сознании, вызванные историческими событиями.

Раскол Церкви в XVII в. создал прецедент появления «альтернативных» юродивых, стоявших вне официальной церковной иерархии. Это заложило основу для восприятия юродивого как фигуры, оппозиционной любым институтам — будь то церковь или государство.

Петровские реформы, с их установкой на рационализацию всех сфер жизни, привели к маргинализации юродства как социального института. Однако именно это сделало юродивого для интеллигенции XIX века экзотическим «архаичным» типом, воплощением народной души, противостоящей западному рационализму. В литературе юродивый стал знаком национальной идентичности. Славянофилы видели в юродивом выражение особого пути России, сохранение допетровской духовной традиции.

Урбанизация и рост капиталистических отношений разрушили ту социальную нишу, в которой юродивый существовал в патриархальной Руси. В деревенской общине юродивого кормили, ему покровительствовали; в большом безличном городе он превратился в маргинала, бомжа или сумасшедшего. Роман Крестовского «Петербургские трущобы» — это первое масштабное отражение этой трансформации, показавшее трагедию юродивого, утратившего свою «экологическую нишу».

Наконец, *кризис рационализма* во второй половине XIX века, связанный с разочарованием в позитивизме и утилитаризме, вновь сделал востребованной фигуру юродивого с его иррациональным, «дурацким» знанием. Достоевский, а затем и Лесков обращаются к юродивому как к альтернативе технократическому и бюрократическому мировоззрению, как к напоминанию о том, что не все измеряется логикой и пользой.

Этический итог: барометр духовного состояния

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов о значении образа юродивого для русской литературы XIX века и для этического самосознания национальной культуры.

Во-первых, трансформация юродивого от святого к правдоискателю, трагическому идеалисту, проводнику народной веры и, наконец, к социальному маргиналу, несущему в себе этическое начало, является точным индикатором духовной эволюции русского общества XIX века. Каждый этап этой трансформации отражает главные этические конфликты эпохи: от пушкинского осмысления самодержавной власти до крестовского обличения капиталистического города.

Во-вторых, произошла смена источников легитимности. Если в древнерусской традиции авторитет юродивого исходил от Бога и подтверждался чудом, то в XIX веке он стал основываться на моральном выборе и личной совести. Содержание юродивости как феномена вышло на свет из православной церкви, получило признание и нашло свое распространение [16]. Появление этого образа в художественной литературе подарило нам возможность его переосмысления. Литературный юродивый символизировал, что высшая правда может находиться вне официальных институтов — вне церкви, вне государства, вне сословных и партийных структур. Он стал автономным «этическим столпом», чья нравственная сила не нуждается во внешней санкции.

В-третьих, юродивый в отечественной литературе неизменно выступает как носитель народной этики. Даже когда он лишён конкретной биографии (как у Островского), даже когда он «светский» (как у Достоевского), он сохраняет связь с глубинными ценностными установками народа: правдолюбием, жертвенностью, состраданием, неприятием лицемерия и социальной несправедливости. В этом смысле юродивый становится проводником тех этических смыслов, которые были вытеснены из официальной культуры.

В-четвертых, постоянное присутствие «блаженного» в культурном поле на протяжении всего XIX столетия говорит о непрекращающемся поиске национальной идентичности. Россия — культура, для которой вопросы «что есть правда?» и «где обрести правду?» остаются централь-

ными. Юродивый даёт ответы на эти вопросы: правда — на краю, правда — в безумии мира, правда — в том, кто не ограничен никакими социальными ролями. В эпоху, когда философские и политические системы предлагали различные варианты «истины», литература напоминала, что истина может быть явлена не в стройной системе, а в живом, страдающем человеке.

В-пятых, образ юродивого в XIX веке окончательно оформляется как фигура, существующая поверх любых канонических принципов. Он не принадлежит ни к церковной иерархии, ни к государственной бюрократии, ни к сословным структурам. Эта «внеположенность» становится источником его этической силы. Юродивый не защищён ничем, кроме своей правды, и именно эта незащищённость (или «неограниченность») делает его слово весомым. Русская литература создала тип героя, который, утратив сакральный статус «человека Божия», обрел статус непререкаемого нравственного ориентира, подобно тому, как в античной традиции роль такого ориентира играл философ-киник, обличающий пороки на агоре.

Заключение

Образ юродивого прошёл в русской литературе XIX века путь от агиографического канона до экзистенциальной и социальной категории, от конкретного социального типа до универсальной культурной структуры. На протяжении этого пути менялись его внешние черты, его язык, его отношение к институтам, но неизменным оставалось его этическое ядро: быть «гласом совести», носителем правды, которая не может быть высказана на языке власти и общепринятых норм.

Главным итогом этого столетия стало рождение секулярного юродивого — фигуры, которая, утратив связь с церковной традицией, превратилась в воплощение «неотформатированной властью» морали. Все приведённые в статье персонажи существуют поверх любых догматических принципов. Их авторитет зиждется не на небесной санкции, а на их предельной уязвимости, жертвенности и способности к состраданию. Они стали теми, кто удерживает нравственное измерение мира в эпоху, когда традиционные религиозные и социальные скрепы дали трещину.

Русская литература XIX века оказалась той сферой, где юродство пережило свою институциональную смерть и обрело новую жизнь — как универсальный символ нравственной стойкости, как форма воплощения правды, которая, будучи изгнана из «нормального» мира, находит приют на его окраинах, в «безумии» и убожестве. Сегодня, когда вопрос о ценностных основаниях общества вновь оказывается в центре общественной дискуссии, обращение к этой традиции приобретает особую актуальность. Юродивый XIX века напоминает: правда часто находится не в центре, а на периферии; не у тех, кто говорит громко, а у тех, кто говорит «безумно»; не у тех, кто обладает властью, а у тех, кто от неё отказался. В этом — непреходящий этический урок, который русская литература сохранила для нас в образе своего самого парадоксального героя.

Список литературы

1. Герцен А.И. Сорока-воровка // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. — М.: Издательство АН СССР, 1954. — Т. 1.
2. Гоголь Н.В. Страшная месть // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. — М.: Издательство АН СССР, 1937. — Т. 1.
3. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 8.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л.: Наука, 1973. — Т. 6.
5. Крестовский В.В. Петербургские трущобы: В 2 кн. — М.: Правда, 1990.
6. Лесков Н.С. Очарованный странник // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. — Т. 4.
7. Лесков Н.С. На краю света // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. — Т. 5.
8. Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. — М.: Искусство, 1974. — Т. 2.
9. Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. — М.: Искусство, 1975. — Т. 4.
10. Пушкин А.С. Борис Годунов // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. — М.: Воскресенье, 1995. — Т. 7.
11. Толстой Л.Н. Детство // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. — М.: Художественная литература, 1935. — Т. 1.
12. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. — М.: Московский рабочий, 1991.
13. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. — М.: Языки славянских культур, 2005.
14. Панченко А.М. Юродство как феномен русской культуры // Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. — Л.: Наука, 1976.
15. Юродивый Христа ради // Большая российская энциклопедия: [электронный ресурс].
16. Шарабарина, Е.А. Религиоведческое исследование феномена русского юродства: проблема применимости феноменологического метода Жака Ваарденбурга / Е.А. Шарабарина // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. — 2023. — Т. 48.

17. Уффельманн, Д. От риторики tapeinosis и humilitas через традицию древнерусского юродства к христопоэтике Достоевского («Идиот») / Д. Уффельманн // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2022. — № 1 (17). — С. 100–122.

References

1. Herzen, A.I. "The Thieving Magpie" // Herzen, A.I. Collected Works: in 30 vols. — Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. — Vol. 1.
2. Gogol, N.V. "A Terrible Vengeance" // Gogol, N.V. Complete Collected Works: in 14 vols. — Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937. — Vol. 1.
3. Dostoevsky, F.M. The Idiot // Dostoevsky, F.M. Complete Collected Works: in 30 vols. — Leningrad: Nauka, 1973. — Vol. 8.
4. Dostoevsky, F.M. Crime and Punishment // Dostoevsky, F.M. Complete Collected Works: in 30 vols. — Leningrad: Nauka, 1973. — Vol. 6.
5. Krestovsky, V.V. Petersburg Slums: in 2 books. — Moscow: Pravda, 1990.
6. Leskov, N.S. The Enchanted Wanderer // Leskov, N.S. Collected Works: in 11 vols. — Moscow: State Publishing House of Fiction, 1957. — Vol. 4.
7. Leskov, N.S. On the Edge of the World // Leskov, N.S. Collected Works: in 11 vols. — Moscow: State Publishing House of Fiction, 1957. — Vol. 5.
8. Ostrovsky, A.N. The Thunderstorm // Ostrovsky, A.N. Complete Collected Works: in 12 vols. — Moscow: Iskusstvo, 1974. — Vol. 2.
9. Ostrovsky, A.N. The Forest // Ostrovsky, A.N. Complete Collected Works: in 12 vols. — Moscow: Iskusstvo, 1975. — Vol. 4.
10. Pushkin, A.S. Boris Godunov // Pushkin, A.S. Complete Collected Works: in 17 vols. — Moscow: Voskresenye, 1995. — Vol. 7.
11. Tolstoy, L.N. Childhood // Tolstoy, L.N. Complete Collected Works: in 90 vols. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1935. — Vol. 1.
12. Fedotov, G.P. The Saints of Ancient Russia. — Moscow: Moskovsky Rabochy, 1991.
13. Ivanov, S.A. Blessed Fools: A Cultural History of Yurodstvo. — Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005.
14. Panchenko, A.M. "Yurodstvo as a Phenomenon of Russian Culture" // Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. The "Laughter World" of Ancient Russia. — Leningrad: Nauka, 1976.

15. Yurodivy Khrista radi [Holy Fool for Christ's Sake] // Big Russian Encyclopedia : [electronic resource].
16. Sharabarina, E. A. Religious Studies of the Phenomenon of Russian Holy Foolishness: The Problem of Applicability of Jacques Waardenburg's Phenomenological Method / E. A. Sharabarina // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. — 2023. — Vol. 48.
17. Uffelmann, D. From a Rhetoric of tapeinosis and humilitas through the Tradition of Holy Fools to Dostoevsky's Christopoetics (The Idiot) / D. Uffelmann // Dostoevsky and World Culture. Philological Journal. — 2022. — No. 1 (17). — P. 100–122.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

APPLIED ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2026, 3(31): 59–76
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_59-76.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-59-76

УДК 17.0:378 + 316.334.5

ВОСПИТАНИЕ ЧЕРЕЗ ОБУЧЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И КРИТИКА ДЕКЛАРАТИВНОГО ПОДХОДА К УКРЕПЛЕНИЮ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Абдулаева З. Э., Рамазанов А. А.

статья:
поступила в редакцию 30.06.2026
принята к публикации 31.07.2026
опубликована (онлайн) 25.11.2026

© Абдулаева Заира Эсенбулатовна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного медицинского университета, Махачкала, Россия
адрес для корреспонденции: Zaina1972@mail.ru

© Рамазанов Арсен Абдулаевич
студент лечебного факультета Дагестанского государственного медицинского университета, Махачкала, Россия
адрес для корреспонденции: ramazanovarsen2906@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: В статье предпринимается критический анализ современных подходов к укреплению духовно-нравственных ценностей в системе образования. Автор исходит из наблюдения системного противоречия между масштабом идеологических деклараций и реальными практиками их воплощения в образовательной среде. На основе историко-

материалистического методологического аппарата исследуется причинно-следственная связь между характером социально-экономических отношений и состоянием общественного морального сознания. Вводится и разрабатывается понятие «этического цинизма» как устойчивой формы адаптации индивида к институциональной среде, в которой вербально транслируемые ценности вступают в непреодолимое противоречие с повседневными практиками. Особое внимание уделяется феномену «скрытой учебной программы» (hidden curriculum), через который, по мнению автора, осуществляется подлинное нормативное формирование установок обучающихся, зачастую нейтрализующее официальные воспитательные усилия. Анализируются такие факторы, как коммерциализация образования, система жестких рейтингов, конкуренция и существование теневого рынка академических работ, которые объективно воспроизводят гипертрофированный индивидуализм и транзакционные отношения. Делается вывод о невозможности подлинного нравственного воспитания в рамках системы, основанной на приоритете частной прибыли и конкуренции, и формулируются необходимые социально-экономические условия для формирования личности, руководствующейся идеалами чести, совести и служения обществу.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, этическое образование, скрытая учебная программа, коммерциализация образования, этический цинизм, исторический материализм, социально-экономические детерминанты, академическая добросовестность, когнитивный диссонанс, моральное сознание.

Discourses of Ethics. 2026, 3(31): 59–76
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_59-76.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-59-76

UPBRINGING THROUGH TEACHING: SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS AND A CRITIQUE OF THE DECLARATIVE APPROACH TO STRENGTHENING SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Abdulaeva Zaira, Ramazanov Arsen

received 30.06.2026
accepted 31.07.2026
published (online) 25.11.2026

© Zaira E. Abdulaeva
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities, Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russian Federation
Correspondence to: Zaina1972@mail.ru

© Arsen A. Ramazanov
Student of the Faculty of General Medicine, Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russian Federation
Correspondence to: ramazanovarsen2906@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article undertakes a critical analysis of contemporary approaches to strengthening spiritual and moral values in the education system. The author proceeds from the observation of a systemic contradiction between the scale of ideological declarations and the actual practices of their implementation in the educational environment. On the basis of the historical-materialist methodological framework, the study examines the causal relationship between the character of socio-economic relations and the state of public moral consciousness. The concept of “ethical cynicism” is introduced

and developed as a stable form of individual adaptation to an institutional environment in which verbally transmitted values come into irreconcilable contradiction with everyday practices. Particular attention is paid to the phenomenon of the “hidden curriculum,” through which, according to the author, the genuine normative formation of students’ attitudes takes place, often neutralizing official educational efforts. The article analyzes such factors as the commercialization of education, rigid ranking systems, competition, and the existence of a shadow market in academic works, which objectively reproduce hypertrophied individualism and transactional relations. The conclusion is drawn that genuine moral upbringing is impossible within a system based on the priority of private profit and competition, and the necessary socio-economic conditions are formulated for the formation of a personality guided by the ideals of honor, conscience, and service to society.

Keywords: Spiritual and Moral Values, Ethical Education, Hidden Curriculum, Commercialization of Education, Ethical Cynicism, Historical Materialism, Socio-Economic Determinants, Academic Integrity, Cognitive Dissonance, Moral Consciousness.

Введение

Проблема соотношения знания и нравственности, восходящая к сократовскому тезису о тождестве добродетельной жизни и знания добродетели, остается одной из центральных для этической рефлексии на протяжении всей истории философской мысли. Как отмечается в концептуальных материалах XVIII Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы», будучи нормативной наукой и практической философией, этика определяет не только то, что такое добродетель, но и как быть добродетельным, обращаясь как к знаниям, так и к поступкам [1]. В условиях возрастающей инструментализации знания, охватывающей все сферы общественной жизни, образовательные практики нуждаются в глубокой рефлексии как в рамках классических этических подходов, так и в горизонте последующего развития философской мысли. В современном российском дискурсе риторика о «традиционных духовно-нравственных ценностях» занимает центральное место, что находит выражение в принятии ряда государственных стратегических документов [2, 3]. Однако на практике фиксируется глубокое, структурное противоречие между масштабом этих деклараций и реальными механизмами их воплощения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью этического осмысления этого разрыва. Мы должны выявить те социальные механизмы, при которых риторика о «защите ценностей» зачастую выступает в роли симулякра, маскируя процессы нравственной деградации, объективно обусловленные глубинными социально-экономическими факторами.

Цель исследования

Конкретно-исторический анализ заявленных путей укрепления ценностей через систему образования. Опираясь на нормативные основания

социально-ориентированной и гуманистической этики, исследование ставит задачу преодолеть субъективно-позитивистский подход, который фиксирует лишь внешние, поверхностные факты, и выявить причинно-следственную связь между характером производственных отношений и состоянием общественного сознания.

Методологические основания: материалистическое понимание морали

Методологическую основу настоящего исследования составляет социально-философский и историко-материалистический анализ. Данный подход позволяет рассматривать этические категории и культуру не как оторванные от реальности универсальные абстракции, а как часть надстройки, которая отражает и легитимирует интересы доминирующего экономического базиса. Как указывал К. Маркс, «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [4, с. 6]. Применительно к сфере морали это означает, что нравственные представления, идеалы и практики не могут устойчиво существовать в отрыве от тех материальных условий, в которых формируется и воспроизводится индивид.

Как справедливо отмечает А.А. Гусейнов, «если мораль есть непосредственное сознание смысла жизни, «впечатанное» в язык самой практики, то этика есть сознание сознания жизни, т.е. сознание жизни второго уровня» [5, с. 28]. Именно поэтому подлинная этическая рефлексия не может сводиться к простой фиксации эмпирических нравов или к формальному, декларативному заучиванию норм, оторванному от реального социально-экономического контекста. Нормативные основания социально-ориентированной и гуманистической этики требуют от исследователя выходить за рамки констатации декларируемых ценностей и обращаться к анализу тех социальных институтов, которые реально формируют моральный облик личности. Р.Г. Апресян*, анализируя приро-

* Апресян Рубен Грантович включён в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

ду общественной морали, отмечает, что при социально-имманентном подходе «мораль рассматривается как сущностно социальный феномен, производный от социальности, социальный по своему происхождению. Она представляется существующей лишь в социуме и обслуживающей его потребности» [6, с. 7].

Подобный подход позволяет преодолеть распространённый в современной педагогической и этической литературе идеализм, согласно которому нравственное совершенствование может быть достигнуто исключительно средствами просвещения, убеждения и вербальной трансляции ценностей. Исторический опыт, напротив, свидетельствует о том, что моральное сознание формируется прежде всего через усвоение социального опыта, через повседневные практики взаимодействия с институциональной средой. Если эта среда объективно поощряет одни формы поведения и наказывает другие, то именно они, а не декларируемые идеалы, становятся подлинными нормами социальной жизни.

Э. Дюркгейм, один из основоположников социологии морали, указывал на то, что «человек моральное существо только потому, что он живёт в обществе, ибо нравственность состоит в том, чтобы быть солидарным с группой, и она изменяется вместе с этой солидарностью» [7, с. 370]. Следовательно, моральные правила не могут быть произвольными или оторванными от реальности — они выражают объективные условия существования данного общества. Попытки навязать обществу нравственные идеалы, которые находятся в системном противоречии с его экономической структурой, обречены на неудачу или, что ещё хуже, порождают массовое лицемерие.

Феномен «скрытой учебной программы» в этическом измерении

Для понимания механизмов, посредством которых образовательная среда реально формирует нравственные установки обучающихся, необходимо обратиться к концепции «скрытой учебной программы» (hidden curriculum). Этот термин, введённый Ф. Джексоном в его классической работе «Жизнь в классах» (1968), обозначает неформальные, зачастую

неосознаваемые правила, нормы и ценности, которые транслируются через саму структуру образовательного процесса, организацию школьной жизни, систему оценивания и взаимодействия между участниками [8].

Развивая эту традицию, критические педагоги Г. Жирокс и М. Эппл показали, что скрытая учебная программа выполняет идеологическую функцию, воспроизводя существующие отношения доминирования и подчинения. Как отмечает М. Эппл, школа не является нейтральным пространством, а активно участвует в производстве и легитимации определённого типа знания, ценностей и социальных отношений [9, 10]. Применительно к этическому измерению это означает, что подлинное нравственное воспитание происходит не столько на уроках этики или обществознания, сколько через повседневный опыт взаимодействия с институциональными практиками.

П. Бурдье, развивая концепцию символического насилия, показал, как образовательные институты воспроизводят социальное неравенство, представляя его как результат индивидуальных заслуг или недостатков [11]. В этическом плане это означает, что система образования формирует у обучающихся не только знания и навыки, но и определённое отношение к себе, к другим и к социальным нормам. Если эта система объективно поощряет конкуренцию, индивидуализм и транзакционные отношения, то именно эти качества, а не декларируемые идеалы солидарности и взаимопомощи, становятся подлинными ориентирами для обучающихся.

Таким образом, скрытая учебная программа выступает тем механизмом, через который социально-экономические детерминанты опосредованно проникают в сферу морального сознания. Она позволяет преодолеть разрыв между вербально декларируемыми ценностями и реально усваиваемыми нормами поведения, объясняя, почему воспитательные усилия зачастую оказываются неэффективными.

Институциональные противоречия современного образования

Переходя к анализу конкретной институциональной практики, необходимо признать, что современная образовательная среда в России, как и во многих других странах, характеризуется глубокими противоречиями между декларируемыми целями воспитания и реальными механизмами функционирования образовательных учреждений.

Исторический опыт свидетельствует, что разрушение социальных институтов, которые ранее обеспечивали всестороннее развитие личности и социальную защищённость, привело к безраздельному доминированию рыночной парадигмы во всех сферах жизни. В этих условиях институты образования рискуют трансформироваться из пространств формирования личности в инструменты идеологической обработки и воспроизводства рабочей силы. Декларируемая «свобода самовыражения» и «академическая автономия» в таких реалиях зачастую оборачивается диктатом коммерческих интересов, подменяющим гуманистические идеалы меркантильными установками, где образование рассматривается исключительно как инвестиция в «человеческий капитал», а не как путь к мудрости. Этот процесс органично вписывается в логику, описанную М. Вебером, согласно которой дух современного капитализма характеризуется торжеством формально-рационального расчета над ценностно-рациональным действием, превращая образовательный процесс в инструмент максимизации полезности, а не в пространство духовного становления [12].

Рассмотрим это на уровне институциональной практики через призму концепции скрытой учебной программы. При формальном декларировании на уроках этики, обществознания или в рамках внеучебной деятельности таких ценностей, как коллективизм, взаимопомощь, солидарность и академическая добросовестность, реальная институциональная практика диктует совершенно иные правила игры.

Во-первых, система жёстких рейтингов и показателей, внедрённая в высшей школе в рамках политики повышения конкурентоспособности, объективно поощряет формализм и количественный подход к оценке

научной и образовательной деятельности. Как показывают исследования, «эффективность» преподавателя и учебного заведения измеряется количеством публикаций, цитирований, грантов и другими формальными метриками, что неизбежно ведёт к их фальсификации и имитации [13]. Включённый в эту институциональную среду, студент, наблюдая эту практику и адаптируясь к ней, усваивает скрытый урок: важен не подлинный результат познания, а его успешная симуляция.

Во-вторых, тотальная коммерциализация образовательных услуг превращает отношения между преподавателем и студентом, а также между самими студентами, в транзакционные. Как отмечает Л.Д. Рассказов, в этих условиях формируется «фетишизм образования», который по своей сути является перенесением товарного фетишизма в сферу производства знаний [14]. Учебный процесс утрачивает свою гуманистическую суть, а диплом воспринимается исключительно как товар, подтверждающий право на определённое место на рынке труда. В этих условиях взаимопомощь и солидарность, которые декларируются как важные ценности, оказываются нерациональными с точки зрения индивидуальной выгоды и вытесняются конкуренцией.

В-третьих, существование теневого рынка готовых академических работ (курсовых, дипломных, диссертаций) является не просто следствием «лени» или «безнравственности» отдельных студентов, а симптомом системного сбоя. Как справедливо отмечает Н.Г. Яковлева, коммерциализация образования и его ориентация на рыночные отношения неизбежно ведут к глубокому отчуждению студентов от самого процесса познания, превращая учёбу в формальное потребление услуги ради получения диплома [15]. Подобная подмена сущности формы находит свое философское осмысление в предупреждениях С. Лема о том, что инструментальный прогресс, не подкрепленный адекватным этическим развитием, неизбежно порождает симулякры реальности, где имитация деятельности полностью вытесняет подлинное творческое усилие [16]. В этих условиях покупка готовой работы или списывание становятся не просто моральным падением, а рациональной адаптацией

к системе, где важнее получить формальный результат, чем приобрести подлинное знание.

Все эти факторы объективно поощряют гипертрофированный индивидуализм и транзакционные отношения между обучающимися. Когда система оценивания строится на принципах нулевой суммы (успех одного означает неудачу другого), а финансирование учебных заведений зависит от формальных показателей, образовательный процесс неизбежно деформируется.

Этический цинизм как результат когнитивного диссонанса

Подобная ситуация формирует у студентов устойчивый и глубокий когнитивный диссонанс. Моральные принципы, которые транслируются в учебном процессе, вступают в непреодолимое противоречие с наблюдаемой социальной реальностью всеобщей коммерциализации и конкуренции. Студент слышит о важности бескорыстия, честности и научной добросовестности, но система оценивания и выживания в академической среде вознаграждает конкуренцию, формализм, умение «продать» себя и иногда даже обход правил ради достижения формального результата (высокого балла, гранта, места в рейтинге).

Психологический механизм когнитивного диссонанса, описанный Л. Фестингером, предполагает, что индивид стремится уменьшить противоречие между своими убеждениями и опытом либо путем изменения убеждений, либо через рационализацию собственного поведения [17]. В условиях образовательной среды, где декларируемые ценности систематически нарушаются на институциональном уровне, наиболее распространенной стратегией становится именно рационализация. Обучающийся начинает руководствоваться установками вроде «все так делают», «без этого нельзя» или «идеалы — это одно, а жизнь — другое», воспринимая их как неизбежную данность.

Закономерным следствием описанных противоречий становится тип мировоззрения, который, опираясь на концепцию П. Слотердайка, правомерно охарактеризовать как «просвещённое ложное сознание» [18].

В условиях современной образовательной среды это проявляется в виде устойчивой формы морального сознания, при которой индивид, усвоивший в ходе обучения гуманистические представления о добре, чести и академической добросовестности, на практике приносит это знание в жертву институциональной необходимости. В отличие от классического аморализма или радикального кинизма античности, современный этический цинизм лишён разоблачительного пафоса; напротив, он облекается в тактичные, заурядные формы конформизма, становясь повсеместным и диффузным явлением, интегрированным в социальную обыденность. Студент, демонстрирующий признаки такого цинизма, прекрасно осознает разницу между декларируемым идеалом и реальной практикой, однако, руководствуясь инстинктом академического самосохранения и прагматичными соображениями, считает следование «добру» в условиях гипертрофированной конкуренции и коммерциализации нерациональным и даже вредным для собственной траектории развития.

Анализируя феномен студенческого цинизма, Л.И. Зиннурова определяет его не как личностную деградацию, а как «ложный проект бегства от негативности бытия, попытку ускользнуть от неё в квазипозитивности "просвещенного ложного сознания"» [19, с. 174]. Иными словами, этический цинизм обучающихся выступает не признаком их индивидуальной «испорченности», а закономерной защитной реакцией на системное противоречие. Когда образовательные институты подменяют процесс познания формальной гонкой за абстрактными квалификационными признаками, цинизм становится единственной доступной стратегией психологической адаптации индивида к институциональному лицемерию.

Необходимо понимать, что моральное сознание формируется не через механическое заучивание догм или посещение лекций по этике, а через усвоение социального опыта и повседневных практик. Если этот повседневный опыт неуклонно свидетельствует о приоритете корыстной выгоды, протекционизма и конкуренции над общественным благом и истиной, любые вербальные воспитательные усилия автоматически нейтрализуются. Вместо формирования нравственного стержня такая

среда порождает социальный конформизм и институциональное лицемерие.

Социально-экономические условия нравственного воспроизводства

Подводя итог анализу, хотелось бы сформулировать следующие выводы. Подлинное укрепление духовно-нравственных ценностей невозможно в рамках системы, фундаментально основанной на приоритете частной прибыли и конкуренции над человеческим достоинством и кооперацией. Нравственный прогресс требует не симулятивных деклараций, не увеличения количества часов этики в учебном плане и не ужесточения формальных наказаний за нарушения. Он требует коренного изменения социально-экономических условий.

К таким необходимым условиям относятся:

Во-первых, обеспечение реальной социальной справедливости и сокращение неравенства, которое является питательной средой для морального компромисса. Как показывают исследования, в обществах с высоким уровнем неравенства уровень доверия и солидарности значительно ниже, чем в более эгалитарных [20]. Невозможно воспитывать честность и бескорыстие в обществе, где базовые потребности значительной части населения не удовлетворены, а социальная мобильность блокирована.

Во-вторых, гарантированное наличие качественного, доступного и некоммерциализированного образования, ориентированного на развитие критического мышления, а не на натаскивание на тесты. Образование должно быть выведено из-под диктата рыночной логики и рассматриваться как общественное благо, а не как товар. Это требует увеличения государственного финансирования, отказа от рейтинговой гонки и перехода к качественным критериям оценки образовательной и научной деятельности.

В-третьих, создание среды для реализации индивидуального потенциала без необходимости постоянной, изнурительной конкурентной борьбы за выживание и ресурсы. Пока человек вынужден тратить все свои

силы на обеспечение базового существования, у него нет ни времени, ни возможностей для нравственного совершенствования. Как отмечал ещё Аристотель, добродетель требует досуга — свободного времени, которое может быть посвящено размышлению и саморазвитию [21].

Только на таком прочном материальном и социальном фундаменте возможно формирование личности, руководствующейся подлинными идеалами чести, совести и служения обществу, а не сиюминутными конъюнктурными интересами. Этика, как практическая философия, должна не только описывать, что такое добродетель, но и указывать на структурные условия, при которых быть добродетельным становится не актом героического сопротивления системе, а естественной, рациональной и поощряемой нормой социальной жизни.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов о соотношении знания и нравственности в современных условиях.

Первый вывод состоит в том, что попытки укрепления духовно-нравственных ценностей исключительно средствами вербальной трансляции и идеологических деклараций обречены на неудачу, если они не подкреплены изменением реальных социально-экономических условий. Моральное сознание формируется через усвоение социального опыта, и если этот опыт свидетельствует о приоритете корысти над общественным благом, никакие лекции по этике не смогут это изменить.

Второй вывод касается роли образовательных институтов в воспроизводстве нравственных норм. Через механизм «скрытой учебной программы» образовательная среда транслирует обучающимся не только знания, но и определенные формы поведения, которые зачастую противоречат официально декларируемым ценностям. Коммерциализация образования, рейтинговая система и конкуренция объективно поощряют индивидуализм и транзакционные отношения, нейтрализуя воспитательные усилия.

Третий вывод связан с феноменом этического цинизма, который возникает как защитная реакция морального сознания на столкновение с систематическим нарушением декларируемых норм. Этический цинизм студентов — это не признак их личной испорченности, а симптом глубокого кризиса образовательных институтов.

Четвертый вывод состоит в том, что подлинное нравственное воспитание возможно только на основе коренного изменения социально-экономических условий: обеспечения социальной справедливости, доступности качественного образования и создания среды для реализации индивидуального потенциала. Только на таком материальном фундаменте возможно формирование личности, руководствующейся идеалами чести, совести и служения обществу.

Прикладная этика, отвечая на вызовы современного общества, должна не только анализировать конкретные моральные дилеммы, но и указывать на структурные условия, необходимые для подлинного нравственного прогресса. Как отмечается в материалах конференции, «ценностные конфликты и их роль в моральном прогрессе» требуют не уклонения от противоречий, а их глубокого осмысления и преодоления на уровне социальных институтов [1].

Таким образом, воспитание через обучение возможно лишь тогда, когда само обучение организовано на принципах, соответствующих декларируемым ценностям. Пока этот разрыв не будет преодолен, любые усилия по укреплению духовно-нравственных ценностей будут оставаться симулякром, маскирующим процессы нравственной деградации.

Список литературы

1. Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2026: XVIII Международная конференция. Санкт-Петербург, 2026. Информационное письмо.
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей:

Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026).
3. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. 742 с.
5. Гусейнов А.А. Этика : учебник для бакалавров / под общ. ред. А.А. Гусейнова. — М. : Издательство Юрайт, 2013. — 571 с.
6. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 3–17.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
8. Jackson P.W. Life in Classrooms. New York: Teachers College Press, 1990. 183 p.
9. Apple M.W. Ideology and Curriculum. 3rd ed. New York: Routledge, 2004. 234 p.
10. Giroux H.A. Schooling and the politics of the hidden curriculum // Theory and resistance in education: A pedagogy for the opposition / ed. by H.A. Giroux. South Hadley, MA: Bergin & Garvey, 1983. P. 42–71.
11. Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction in Education, Society and Culture. London: Sage, 1990. 254 p.
12. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
13. Ерёмченко О.А., Кураков Ф.А. Проблема имитации научной публикационной активности в России и рекомендации по её искоренению // Экономика науки. 2016. Т. 2. № 1. С. 35–45.
14. Рассказов Л.Д. Фетишизм образования в условиях глобализации: социально-философский анализ актуальных явлений кризисного сознания // Профессиональное образование в современном мире. 2014. № 4. С. 24–36.
15. Яковлева Н.Г. Противоречия образования XXI века: взгляд сквозь призму марксистской методологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 6. С. 45–62.
16. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2021. 800 с.
17. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford: Stanford University Press, 1957. 291 p.
18. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, 2009. 798 с.

19. Зиннурова Л.И. Цинизм в образовании и студенческой среде // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2012. Т. 24 (65). № 3. С. 173–181.
20. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger. New York: Bloomsbury Press, 2009. 352 p.
21. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль. 1984. Т. 4. С. 53–295.

References

1. Teoreticheskaya i prikladnaya etika: traditsii i perspektivy — 2026: XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya. Sankt-Peterburg, 2026. Informatsionnoe pismo [Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2026: XVIII International Conference. St. Petersburg, 2026. Information letter].
2. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei: Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 [On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation]. Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. Available at: http://pravo.gov.ru (accessed 15.06.2026)
3. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 29.05.2015 № 996-r [On Approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation until 2025: Order of the Government of the Russian Federation]. Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. Available at: http://pravo.gov.ru (accessed 15.06.2026).
4. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 13 [Works. 2nd ed. Vol. 13]. Moscow: Politizdat, 1959. 742 p.
5. Guseynov A.A. (ed.) Etika: uchebnik dlya bakalavrov [Ethics: a textbook for bachelors]. Moscow: Yurait Publishing House; 2013. 571 p. (In Russ.)
6. Apresyan R.G. Ponyatie obshchestvennoi morali (opyt kontseptualizatsii) [The Concept of Public Morality: An Experience of Conceptualization]. Voprosy filosofii, 2006, no. 5, pp. 3–17. (In Russ.).
7. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [On the Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow: Nauka, 1991. 576 p. (In Russ.).

8. Jackson P. W. Life in Classrooms. New York: Teachers College Press, 1990. 183 p.
9. Apple M.W. Ideology and Curriculum. 3rd ed. New York: Routledge, 2004. 234 p.
10. Giroux H.A. Schooling and the politics of the hidden curriculum. In: Giroux H.A, editor. Theory and resistance in education: A pedagogy for the opposition. South Hadley (MA): Bergin & Garvey; 1983. p. 42–71.
11. Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction in Education, Society and Culture. London: Sage, 1990. 254 p.
12. Weber M. Protestant ethic and the spirit of capitalism // Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
13. Eremchenko O.A., Kurakov F.A. Problema imitatsii nauchnoi publikatsionnoi aktivnosti v Rossii i rekomendatsii po ee iskoreneniyu [The issue of imitation of scientific publication activity in Russia and recommendations for its eradication]. Ekonomika nauki = Economics of Science, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 35–45. (In Russ.).
14. Rasskazov L D. Fetishizm obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskii analiz aktual'nykh yavlenii krizisnogo soznaniya [Fetishism of Education in the Context of Globalization: A Socio-Philosophical Analysis of Actual Phenomena of Crisis Consciousness]. Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire, 2014, no. 4, pp. 24–36. (In Russ.).
15. Yakovleva N.G. Protivorechiya obrazovaniya KhXI veka: vzglyad skvoz' prizmu marksistskoi metodologii [Contradictions of 21st Century Education: A View Through the Prism of Marxist Methodology]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya, 2018, no. 6, pp. 45–62. (In Russ.).
16. Lem S. Summa tekhnologii [Summa Technologiae]. Moscow: AST, 2021. 800 p.
17. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford: Stanford University Press, 1957. 291 p.
18. Sloterdijk P. Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of Cynical Reason]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2009. 798 p.
19. Zinnurova L. I. Tsinizm v obrazovanii i studencheskoi srede [Cynicism in education and student environment]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology, 2012, vol. 24 (65), no. 3, pp. 173–181. (In Russ.).
20. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger. New York: Bloomsbury Press, 2009. 352 p.
21. Aristotle. Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]. V: Aristotel'. Soch.: V 4 t. [Works: In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'; 1984. p. 53-295.

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

PROFESSIONAL MORAL EVALUATION

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2026, 3(31): 79–102
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_79-102.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-79-102

УДК 174.4

МЕЖДУ ЗАБОТОЙ И ПРИНУЖДЕНИЕМ: ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОРПОРАТИВНЫХ ПРОГРАММ СНИЖЕНИЯ ВЕСА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Колосова К. А., Руденко А. А., Юнусова Л. И.

статья:
поступила в редакцию 10.12.2025
принята к публикации 05.07.2026
опубликована (онлайн) 25.11.2026

© Колосова Ксения Александровна
Санкт-Петербургский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента, образовательная программа «Управление бизнесом», 2 курс, Санкт-Петербург, Россия
адрес для корреспонденции: omgcharlotte666@gmail.com

© Руденко Анна Александровна
Санкт-Петербургский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента, образовательная программа «Управление бизнесом», 2 курс, Санкт-Петербург, Россия
адрес для корреспонденции: anna.rudenko.2007@list.ru

© Юнусова Лилия Ильдаровна
Туринский университет, департамент исторических исследований, магистерская образовательная программа «Культурное наследие и креативность в туризме и территориальном развитии», 1 курс, Турин, Италия
адрес для корреспонденции: vanillabossybun@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Статья посвящена этическому анализу корпоративных программ финансового стимулирования снижения веса в современном Китае на примере компаний Insta360 и Wonderlab. В контексте государственной кампании «Год управления весом» и роста проблемы ожирения в КНР авторы рассматривают дилемму между заботой о здоровье сотрудников и риском принуждения, нарушения личной автономии и стигматизации. Анализ проводится с позиций деонтологии, утилитаризма и этики заботы с учётом китайской культурной специфики — конфуцианского понимания тела и адаптированной версии бодипозитива. Делается вывод, что подобные инициативы не являются однозначно неэтичными, однако требуют корректировки. На основе проведённого анализа авторы формулируют для бизнеса практические рекомендации, как организовать подобные программы этично.

Ключевые слова: корпоративные программы снижения веса, этика, Китай, бодипозитив, конфуцианство, биополитика, стигматизация, автономия личности.

Discourses of Ethics. 2026, 3(31): 79–102
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_79-102.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-79-102

BETWEEN CARE AND ENFORCEMENT: AN ETHICAL ASSESSMENT OF CORPORATE WEIGHT-LOSS PROGRAMS IN CONTEMPORARY CHINA

Kolosova Xenia, Rudenko Anna, Iunusova Liliia

received 10.12.2025
accepted 05.07.2026
published (online) 25.11.2026

© Xenia A. Kolosova
St. Petersburg Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg School of Economics and Management, educational program “Business Administration”, 2nd year, St. Petersburg, Russian Federation
Correspondence to: omgcharlotte666@gmail.com

© Anna A. Rudenko
St. Petersburg Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg School of Economics and Management, educational program “Business Administration”, 2nd year, St. Petersburg, Russian Federation
Correspondence to: anna.rudenko.2007@list.ru

© Liliia I. Iunusova
University of Turin, Department of Historical Studies, Master’s Degree Program “Cultural Heritage and Creativity in Tourism and Territorial Development”, 1st year, Turin, Italy
Correspondence to: vanillabossybun@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article provides an ethical analysis of corporate financial incentive programs for weight loss in contemporary China, focusing on the cases of Insta360 and Wonderlab. Against the backdrop of the state-led "Year of Weight Management" campaign and the growing obesity problem in China, the authors examine the dilemma between caring for employees' health and the risks of coercion, violation of personal autonomy, and stigmatization. The analysis draws on deontology, utilitarianism, and the ethics of care, while considering Chinese cultural specifics — the Confucian understanding of the body and the hybrid version of body positivity. The conclusion is that such initiatives are not unequivocally unethical, but they require adjustments. Based on their analysis, the authors formulate practical recommendations for businesses on ethically acceptable formats for such programs.

Keywords: Corporate Weight Loss Programs, Ethics, China, Body Positivity, Confucianism, Biopolitics, Stigmatization, Personal Autonomy.

Введение

Проблема ожирения в XXI веке приобрела глобальный характер: от неё, по данным ВОЗ, на 1 марта 2024 года страдают более миллиарда человек. В 2022 году государства-члены согласовали План ВОЗ по ускорению мер борьбы с ожирением до 2030 года [2]. Вплотную столкнулся с проблемой и Китай: по данным 2020 года уровень ожирения среди взрослых достиг 16,4%, а у подростков (6–17 лет) в 2011–2015 гг. он вырос до 6,8% — втрое выше уровня начала 1990-х; без вмешательства государства к 2030 году показатель достигнет 65% [37], что обойдётся стране в 58 миллиардов долларов, или 1/5 годовых медицинских расходов [8].

В 2025 году China Weather Network и Национальный центр по контролю хронических заболеваний (NCCDCP) представили карту ожирения по 31 региону: на севере (Внутренняя Монголия, Шаньдун, Хэбэй) доля людей с избыточным весом превышает 36%, тогда как в южных Тибете, Хайнане и Гуанси она ниже средненационального уровня; среди факторов — климат, ограничивающий физическую активность на севере [14][20].

В этом контексте летом 2025 года компания Arashi Vision Inc. (бренд Insta360) запустила программу финансового стимулирования снижения веса: участники получали 500 юаней за каждые сброшенные 0,5 кг и должны были выплатить 800 юаней при наборе аналогичного веса. В ней приняли участие 99 сотрудников, суммарно похудевших примерно на 950 кг и выигравших 1 миллион юаней (около 12 млн рублей) [7].

Аналогичные конкурсы проводила и Wonderlab — в феврале 2025 года и повторно в феврале 2026-го, в период Китайского Нового года. Её многоуровневая система поощрения предусматривала 100 юаней за каждые полкило до 5 кг и 300 юаней свыше этого; 262 сотрудника сбросили 560,7 кг и разделили 171 000 юаней при средней потере 2,1 кг. По сути, это продуманная маркетинговая кампания: сотрудники выступа-

ют и «подопытными», и лицами рекламы, а результаты подаются как доказательство принципа «70 % питания, 30 % тренировок» и концепции «таргетного управления микробиотой» [25]; главная цель — транслировать успех на потребителей, позиционируя продукты WonderLab как готовое работающее решение для управления весом [1].

Возникает ключевой исследовательский вопрос: являются ли подобные корпоративные программы этически оправданной формой заботы о здоровье сотрудников или институционализированной формой давления и биополитического контроля над телом?

Государственная политика тела и корпоративный патернализм в Китае

6 июня 2024 года Государственный комитет по вопросам здравоохранения КНР (ГКЗ) опубликовал план мероприятий в рамках «Года управления весом», призванный реализовать задачи «Плана действий „Здоровый Китай“ (2019–2030 гг.)»: формирование практик здорового образа жизни и профилактику ожирения как фактора риска хронических неинфекционных заболеваний [23]. План охватывает все группы населения — от беременных и детей до работающих и пожилых; кампания объявлена приоритетной на Всекитайском собрании народных представителей в марте 2025 года.

Первые результаты уже есть: в Шаньдуне 962 медучреждения открыли 1004 отделения по контролю веса, приём ведётся по схеме «два рецепта и одна рекомендация», когда наряду с медицинским выписывается персональный «рецепт здоровья» (схема питания и физической активности), действует система «оздоровительных баллов» [29]. В Гуанчжоу в декабре 2025 года подвели итоги конкурса «Здоровый Гуанчжоу — 2025»: из 20 790 горожан дошедшие до финала за 60 дней сбросили в среднем 2,4 кг [5].

Китайская политика рассматривает здоровье населения как стратегический ресурс, а ожирение — как явление социально отрефлексированное, для описания которого сложился особый метафоричный язык: метафора «путешествия» представляет похудение не индивидуальным уси-

лием, а совместным движением общества, где люди, государство, школы и семьи выступают «путешественниками», действующими согласованно [34].

Чтобы понять, почему государство обязывает бизнес участвовать в контроле веса, приходится обратиться к концепции биополитики Мишеля Фуко — формы управления населением через контроль здоровья и образа жизни, где здоровье — ресурс экономической стабильности [19]. В китайских программах прослеживаются три фукианских механизма биовласти. Во-первых, нормализующая санкция: наказание следует не за нарушение закона, а за отклонение от нормы, и штрафы за набор веса превращают медицинскую норму (индекс массы тела) в административно-финансовую. Во-вторых, экономизация тела: поощрения и штрафы превращают здоровье в валюту — «микрофизику власти»; компания инвестирует в тело сотрудника, ожидая рентабельности, а государство делегирует ей эту функцию. В-третьих, внедрение медицинского дискурса в корпоративную этику: ссылкой на «научно обоснованную» политику компания легитимизирует вмешательство в личную жизнь, выступая не репрессивным органом, а заботливым институтом, действующим через нормализацию.

Исследователи отмечают, что биополитика свойственна не только либеральным режимам; однако, по мнению Кшевина и Симоненко, понятие Фуко трудно применить к Востоку из-за его западной ориентированности [12]. Тем не менее рассматриваемый кейс — продолжение традиции применения в КНР биополитических мер, ярким примером которых была политика «Одна семья — один ребёнок». Научное сообщество Китая осмысляет феномен и через призму Фуко: исследование «Ловушка самодисциплины» показывает, что капитализм через производство знаний контролирует тело [30], а работа «От дисциплины к расширению возможностей» выявляет в традиционных моделях «нормализующую» тенденцию, через которую интериоризируются стандарты «идеального тела» [15].

Правительство не ограничивается декларациями: план ГКЗ обязал компании стимулировать сотрудников следить за массой тела, что пре-

вратило добровольную инициативу в квази-обязанность бизнеса; не участвующие компании рискуют оказаться в зоне репутационных и регуляторных рисков. Контроль идёт несколькими линиями: инфраструктура, цифровые инструменты и материальное стимулирование. Так бизнес получает нормативное одобрение и выступает не автономным актором, а проводником государственной биополитики.

В китайской культурной традиции, прежде всего в конфуцианстве, тело — не биологический объект и не частная собственность, а моральный феномен в системе этических отношений. Согласно «Сяо цзин», Конфуций наставлял: «Туловище, конечности, волосы и кожа — это то, что мы получаем от наших родителей, поэтому не должны их уничтожать [или нарушать] — это и есть начало сыновней почтительности» [11, с. 199]. Тело понимается не как вместилище души, а как поле моральной практики и самосовершенствования (сю шэнь): через дисциплину тела и ритуалы (ли) человек культивирует человеколюбие (жэнь), стремится стать «благородным мужем» (цзюнь цзы) и поддержать социальный порядок — «за усовершенствованностью личности следует выравненность семьи, за выравненностью семьи следует упорядоченность государства, за упорядоченностью государства следует уравновешенность Поднебесной» [9, с. 94]. В отличие от запада, где личная свобода превыше всего, в Китае индивидуальные интересы неотделимы от долга перед другими, а потому внешнее участие в управлении телом ради общего блага воспринимается как желательное продолжение коллективной ответственности.

Реакция СМИ и китайской общественности

Инициатива Insta360 вызвала широкий резонанс — 6,6 миллиона просмотров на Weibo [42]: одни похвалили компанию за заботу о здоровье, другие усомнились в этичности штрафов и давления. Газета «Laodong Daily» предупредила, что фирмы должны защищать личные данные сотрудников и избегать чрезмерного стресса, а финансовое стимулирование способно подтолкнуть к нездоровым диетам или дискриминации людей с медицинскими состояниями [24]. Отдельную линию критики со-

ставляет радикализация методов: как отмечает Xinhua Daily Telegraph, тренировочные лагеря используют небезопасные методы, реклама содержит ложные обещания, что ведёт к травмам и смертельным случаям [4].

В отличие от западной критики, апеллирующей к незыблемости автономии, китайская критика фокусируется на эффективности и безопасности мер, а не на их легитимности: в конфуцианском контексте государственная забота о теле воспринимается как норма, и спор идёт о том, как она должна осуществляться, а не о том, должна ли быть вообще.

Кейс Insta360 как этическая дилемма

Arashi Vision Inc. выделила на «Миллионный челлендж по снижению веса» фонд в 1 млн юаней (примерно 12 млн рублей) [21, с. 1]. Формула проста: за каждые 0,5 кг компания выплачивает 500 юаней (около 6000 рублей), а за каждые 0,5 кг, набранных обратно, участник платит 800 юаней (около 10 тысяч рублей) — «обратная мотивация». Победительницей стала 20-летняя Се Яци, похудевшая на 20 кг за три месяца и заработавшая около 230 тысяч рублей, а в прошлом году 99 человек суммарно сбросили почти тонну [21, с. 1].

В современном обществе отношение к людям с избыточным весом нередко сопровождается стигматизацией: ожирение воспринимается как социально порицаемое качество, а внешность ассоциируется с личной несостоятельностью и недостатком самодисциплины. Стигматизация влечёт психические травмы, социальную изоляцию, ущемление прав и приписывание человеку не связанных с ним недостатков. Исследования в The Lancet и PMC показывают, что весовая стигма (weight stigma) — не мотивация, а хронический стресс-фактор: она повышает тревожность, провоцирует депрессивные симптомы и усиливает избегающее поведение, так что «стыдящиеся за вес» люди чаще избегают врачей и возвращаются к еде как к способу снять напряжение [6].

Этическая дилемма — конфликт двух ценностей: с одной стороны, цель улучшения общественного здоровья, с другой — риск нарушения

автономии, давления и стигматизации. Программы контроля веса могут восприниматься как скрытое принуждение, особенно в атмосфере сравнения и оценки внешности, а сильная финансовая мотивация создаёт конфликт между ценностью здоровья и материальной выгоды, подталкивая к опасным методам: фиксировались случаи потери 16,4 кг за месяц и 20 кг за три месяца, что превышает рекомендованные врачами темпы безопасного снижения веса, — экономическая заинтересованность доминирует над заботой о здоровье, а результат превращается в самоцель.

И главное — психологическое сопровождение на каждом этапе: работать с весом без работы с внутренними причинами — всё равно что чинить крышу во время урагана [6]. Большинство исследователей настаивает на лонгитюдных исследованиях — отслеживании участников через 6, 12 и 24 месяца с оценкой не только массы тела, но и тревожности, качества сна и самооценки. В ходе реализации возникает комплекс рисков: переутомление и травмы от нагрузок; краткосрочная мотивация на вознаграждение; экстремальные методы — голодание, небезопасные препараты; нарушение границ в атмосфере коллективной оценки. Многое зависит от коллектива: поддержка коллег необходима для психологического комфорта худеющих. Нельзя упускать и того, что в проекте не могут участвовать люди с нормальным весом либо их участие сопряжено с риском для здоровья.

Нормативный этический анализ. Автономия и бодипозитив: границы применимости

Бодипозитив — общественное движение за право быть принятым обществом уважительно независимо от внешнего вида, за позитивное восприятие своего тела и тел других [31]. Его ядро — автономия личности и уважение личных границ: только сам человек решает, как должно выглядеть его тело, без внешнего давления. В Китае прижилась мягкая, адаптированная версия — прежде всего как движение против «тревоги из-за внешности» (拒绝容貌焦虑): комфортная одежда, отказ от макияжа и жёстких диет, инклюзивные кампании брендов NEIWAI и AAAD [32]. Ра-

дикальная западная версия — принятие ожирения как нормы — не прижилась из-за коллективистской культуры, государственной политики и конфуцианской этики самодисциплины, где стройность связана со здоровьем; сложилась гибридная модель, сочетающая идею снижения давления с традиционными стандартами красоты.

С учётом этой специфики вывод о программе Insta360 не может быть однозначно отрицательным: в Китае бодипозитив не означает безусловного принятия любой массы тела, а кампания и общественный запрос создают легитимную среду для инициатив. Программа, использующая финансовые стимулы и коллективную поддержку, не принуждает сотрудников напрямую, а внешнее поощрение к оздоровлению допустимо, если не переходит в стигматизацию. Проблема возникает лишь тогда, когда из-за системы штрафов создаётся атмосфера ущемления людей с объективными трудностями похудения. Прямое перенесение западной критики требует корректировки, однако риски нарушения автономии сохраняются.

Деонтологический анализ: достоинство и пределы корпоративного вмешательства

В рамках деонтологической этики ключевыми являются принципы уважения автономии, человеческого достоинства и справедливости [33]. У акции Insta360 немало недостатков. Во-первых, она нарушает принцип автономии личности и уважения личных границ, посягая на частный аспект жизни, не относящийся к профессиональным компетенциям, и косвенно — давлением и финансовыми стимулами — затрагивает право решать о своём теле и образе жизни. Во-вторых, нарушается долг уважения человеческого достоинства: ценность сотрудника ставится в зависимость от его веса, что ведёт к стигматизации. В-третьих, игнорируются индивидуальные обстоятельства, когда снижение веса затруднено из-за медицинских особенностей. Конфуцианская же справедливость — не формальное равенство, а соответствие «имени» своей сути: носитель статуса обязан проявлять добродетель (жэнь), а справедливость (и) противопоставляется личной выгоде (ли). В этой логике кейс

согласуется с конфуцианским корпоративным патернализмом, где компания-«отец» вправе заботиться о теле сотрудника-«ребёнка», поскольку автономия личности не является для конфуцианства ценностью; подлинное противоречие возникло бы лишь при игнорировании медицинских ограничений, но данных для суждения недостаточно. Поскольку компания открыто связывает программу с планом ГКЗ и нет сведений о принуждении, формально она выполняет долг заботы, но финансовые стимулы и давление корпоративной культуры подрывают добровольность. В итоге акцию нельзя назвать этичной: она посягает на автономию и достоинство персонала и способствует стигматизации, несмотря на благую цель заботы о здоровье.

Утилитаристская перспектива: польза и скрытые риски

Утилитаризм — этическая концепция, согласно которой моральная ценность поступка определяется его полезностью, то есть счастьем, доставляемым всем заинтересованным сторонам [35]. В этом ключе инициативу трудно оценить однозначно: она сочетает множество положительных и отрицательных черт. Мероприятие достаточно полезно: улучшает здоровье и качество жизни участников, повышает их материальное положение (остальные могут присоединиться добровольно) и соответствует национальному плану, повышая репутацию фирмы. Однако серьёзные недостатки способны нивелировать положительный эффект: психологическое давление, страх штрафа, комплексы непринятия себя снижают уровень счастья и эффективность труда, а в исключительных случаях провоцируют расстройства пищевого поведения и анорексию. Стремление сбросить больше ради вознаграждения — как и гормональные заболевания, мешающие потере веса, — подталкивает к экстремальным методам похудения. Анализ ставит этичность инициативы под сомнение, однако её пользу — популяризацию здорового образа жизни, укрепление связей фирмы с государством, борьбу с избыточным весом — отрицать нельзя. Таким образом, суммарная полезность программы неопределённа: краткосрочные выгоды могут компенсироваться долгосрочными рисками.

Этика заботы как возможная альтернатива

Этика заботы предлагает иной ракурс: в корпоративной культуре забота предполагает внимание к индивидуальным особенностям, эмоциональному состоянию и долгосрочному благополучию сотрудников [28]. Китайская корпоративная забота базируется на иной основе, нежели западные модели CSR: Запад видит в ней средство максимизации акционерной стоимости, а китайский подход укоренён в нормативной этике, где забота — самоценная добродетель; впрочем, не мягкий ли это контроль. Специфика формируется под влиянием конфуцианских ценностей: компания Chambroad (京博) ежемесячно платит деньги родителям сотрудников, предоставляет им жильё, а топ-менеджеры публично штрафуют себя за нарушения этических норм [41]. Такая модель создаёт материальную поддержку и снижает текучесть кадров, но «семейная» метафора превращается в патернализм — заботу, которую даруют сверху и могут отнять: сотрудник попадает в эмоциональную зависимость, трудовые права подменяются личным расположением руководителя, а профсоюзы вытесняются обязательством «не подводить семью». Платой становятся размытые границы между работой и личной жизнью и отсутствие независимых механизмов защиты; кейс Chambroad — скорее единичная практика. Этически допустимая модель включала бы отказ от штрафов, медицинское и психологическое сопровождение, конфиденциальность данных, добровольность и альтернативные формы участия (поддержка коллег, образовательные проекты); выгоды бизнеса — снижение выгорания и текучести, рост вовлечённости и устойчивость в периоды рисков [10]. Мотивация не должна ограничиваться финансами: только баланс материального и нематериального стимулирования превращает программу из инструмента контроля в практику корпоративной заботы.

Практические рекомендации

Этический анализ показал: программа имеет благородную цель борьбы с ожирением, но требует доработки методологии. Необходим прежде всего тщательный отбор участников: медицинский осмотр и психо-

логическое тестирование выявляют противопоказания; следует также разработать альтернативные индексы оздоровления, проинформировать желающих о безопасных способах потери веса и последствиях экстремальных методов, контролируя состояние участников на протяжении акции. Эти меры требуют издержек, однако они оправдываются: урон в случае негативных последствий был бы значительно больше. Компании следует продумать концепцию и посыл программы: акция не должна оказывать психологического давления, задевать чувства или способствовать дискриминации, а участие должно быть добровольным; для этого необходимо ликвидировать систему штрафов, превращающую инициативу в принуждение.

На основании этического анализа сформулированы рекомендации для менеджмента. В части материального стимулирования целесообразно финансировать образовательные программы по здоровому питанию, физической активности и профилактике ожирения и выплачивать бонусы за результаты; в части нематериального — скидки с фитнес-центрами, тренажёрные залы, групповые занятия, лекции экспертов, консультации диетологов и тренеров. Важно и признание достижений — обратная связь и атмосфера уважения без публичных сравнений. Специалисты выделяют также прямую и косвенную мотивацию: прямая нацелена на работника, косвенная поддерживает семьи специалистов — корпоративное жильё, места в детских садах, путёвки в санатории, подарки на праздники [27]. Компании должны учитывать и юридические риски: консультации юристов и страховых организаций, защита персональных данных (масса тела — чувствительные медицинские сведения), добровольное информированное согласие и подтверждение отсутствия принуждения. Предложенные меры отвечают выявленным рискам: задача компании — не в контроле над телом, а в создании условий для добровольного безопасного формирования здоровых привычек.

Заключение

Проблема ожирения в XXI веке становится глобальной, и её рост заставляет правительства привлекать к борьбе коммерческие фирмы. Од-

нако, стремясь способствовать государственной политике и мотивировать сотрудников, компаниям не стоит забывать о многогранности процесса похудения: к инициативам следует подходить с осторожностью, чтобы не навредить физическому и психическому здоровью и не сместить посыл к улучшению качества жизни в сторону дискриминации по внешнему виду. Корпоративная программа стимулирования снижения веса не является однозначно неэтичной: она соответствует государственной стратегии укрепления общественного здоровья и может приносить реальные выгоды сотрудникам, однако в её текущем формате присутствуют серьёзные риски нарушения автономии личности, усиления стигматизации и психологического давления. Её оценка требует культурно-чувствительного подхода, учитывающего специфику китайской модели взаимодействия государства, бизнеса и индивида. Таким образом, различие между заботой и принуждением определяется не целью, а набором инструментов: то, как компания добивается результата, превращает программу либо в заботу, либо в институционализированный контроль над телом.

Список литературы

1. Во всемирный день борьбы с ожирением был вручен «лист ответов о здоровье на рабочем месте», и завершился второй конкурс Wonderlab по снижению веса. [Электронный ресурс] Чжунго Шипинь Баошэ Жунмэйти URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1858698808269154884&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 07.04.2026).
2. ВОЗ: более миллиарда человек страдает ожирением [Электронный ресурс] Новости ООН. 2024. URL: https://news.un.org/ru/story/2024/02/1449977?ysclid=mgatn7vm89724243955 (дата обращения: 25.09.2025).
3. Государственное управление по регулированию рынка опубликовало десять типичных случаев незаконной рекламы в сфере жизнеобеспечения населения. [Электронный ресурс] Центральное телевидение Китая. 2026. URL: https://news.cctv.com/2026/07/21/ARTIw0IHN9Zvq4SqKPGEA1an260721.shtml (дата обращения 22.07.2026).

4. Лю Хуайпи, Ян Линь, Ян Цзиньсинь, Шань Иминь. «Мечта о похудении» обернулась «жизненной катастрофой»? — Взгляд на хаос «дикого роста» в тренировочных лагерях для похудения. [Электронный ресурс] Xinhua Daily Telegraph. 2026. URL: http://www.xinhuanet.com.cn/politics/20260603/75e82357a2e34bc38f48aeb69e5cba2e/c.html (дата обращения: 28.07.2026).
5. Завершился конкурс по снижению веса «Здоровый Гуанчжоу 2025», в рамках которого были достигнуты замечательные результаты в укреплении здоровья. [Электронный ресурс] URL: https://www.gz.gov.cn/xw/zwlb/bmdt/styj/content/post_10614443.html (дата обращения: 14.04.2026).
6. Когда тело превращают в сюжет [Электронный ресурс] b17.ru. 2025. URL: https://www.b17.ru/article/754222/ (дата обращения: 14.10.2025).
7. Компания в Шэньчжэне вознаграждает сотрудников, которые худеют, одним миллионом юаней [Электронный ресурс] URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1840259860074507203&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 07.04.2026).
8. Кондратьева Т. Кампания по борьбе с ожирением началась в Китае [Электронный ресурс] Курсив/Lifestyle. 2025. URL: https://kz.kursiv.media/2025-04-16/lfst-ttkn-china-weight/?ysclid=mgati3p9zu122024110 (дата обращения: 22.09.2025).
9. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы-Шу»). М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
10. Культура заботы — зачем бизнесу заботиться о благополучии сотрудников [Электронный ресурс] Академия социальных технологий. 2023. URL: https://ast-academy.ru/blog/kultura_zaboty_zacem_biznesu_zabotitsa_o_blagopolucii_sotrudnikov (дата обращения: 12.10.2025).
11. Кучера С.Р. История, культура и право древнего Китая : собрание трудов. М.: Наталис, 2012. 414 с.
12. Кшевин Н.В., Симоненко О.А. Биополитика как аспект государственного управления нелиберальных политических режимов (на примере КНР) [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biopolitika-kak-aspekt-gosudarstvennogo-upravleniya-neliberalnyh-politicheskih-rezhimov-na-primere-knr/viewer (дата обращения 06.07.2026).
13. Лазаренко Н. Китайская компания будет платить худеющим сотрудникам [Электронный ресурс] РБК Life. 2025. URL: https://www.rbc.ru/life/news/689db2d29a7947550e250566 (дата обращения: 22.09.2025).
14. Ли Сяою. Опубликована «Карта ожирения в Китае». Профилактику и борьбу с ожирением необходимо начинать с детей [Электронный ресурс] Синьхуа Ван. URL: https://www.xinhuanet.com/2023-09/28/c_1212278710.htm (дата обращения: 07.04.2026).

15. Ли Цзитун, Цзян Мэнчжэ. От дисциплины к расширению возможностей: исследование путей вмешательства в поведение при управлении весом с позиции политики тела. [Электронный ресурс] Сборник тезисов (материалов) Форума по управлению весом 2025 года. URL: https://cpfd.cnki.com.cn/Article/CPFDTOTAL-TUKX202511002078.htm (дата обращения 06.07.2026).
16. Ма Цян, Ян Лиюнь, Ван Шици, Ли Вэнь, У Юэмин. 2025 год: акция “Здоровый Гуандун” в сёлах завершена — комплексный подход и четыре ключевых направления. [Электронный ресурс] Наньфан души бао. 2025. URL: https://m.mp.oeeee.com/a/BAAFRD0000202512011486696.html (дата обращения: 28.07.2026).
17. Непейвода А. 10 работающих способов, как мотивировать сотрудников материально и нематериально [Электронный ресурс] Bitrix24. 2025. URL: https://www.bitrix24.ru/journal/kak-motivirovat-sotrudnikov/ (дата обращения: 05.10.2025).
18. Попов А.В Китае начали открывать лагеря для похудения: там тюремные условия, но зато результат почти гарантирован [Электронный ресурс] Men Today. 2024. URL: https://www.mentoday.ru/life/news/06-11-2024/v-kitae-nachali-otkryvat-lagerya-dlya-pohudeniya-tam-tyuremnye-usloviya-no-zato-rezultat-pochti-garantirovan/ (дата обращения: 05.10.2025).
19. Старостина Д.А. Биополитика в концепции М. Фуко: тело как инструмент управления обществом. [Электронный ресурс] Теория и практика общественного развития. 2022. № 6. С. 80-85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biopolitika-v-kontseptsii-m-fuko-telo-kak-instrument-upravleniya-obschestvom/viewer (дата обращения: 01.11.2025).
20. Тан Юаньюань, Ци Пэнжань, Ли Вэньцзин. Впервые опубликована карта распределения показателей ожирения по всей стране! Самопроверка в один клик: находится ли ваш вес в «зоне здоровья»? [Электронный ресурс] Бейцин Ван. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1842498456873572816&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 07.04.2026).
21. Тезнев Д. Вес превращается в штраф или премию: как китайская компания заставляет худеть [Электронный ресурс] Правда.ru. 2025. URL: https://www.pravda.ru/news/health/2276707-weight_loss_challenge/ (дата обращения: 23.09.2025).
22. Томилова А. Почему я не худею: дело не в диете, дело — в голове. М.: Альпина Паблишер, 2023. 206 с.

23. Уведомление о публикации плана реализации мероприятий в рамках «Года регулирования веса» [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202406/content_6959543.htm (дата обращения: 14.04.2026).
24. «Худей, зарабатывай деньги»: китайские компании платят сотрудникам за похудение. [Электронный ресурс] Emprendedor. 2025. URL: https://emprendedor.com/pierde-peso-gana-dinero-empresas-chinas-pagan-a-empleados-por-adelgazar/?amp (дата обращения: 28.07.2026).
25. Чан Цзюньпин. 262 работника вопреки тенденции сбросили 1121 цзинь за время весеннего праздника: как Wonderlab от Ваньилань смог развеять миф о том, что «на праздниках набирают три цзиня»? [Электронный ресурс] Шэньчжэнь Синьвэнь Ван. URL: https://www.sznews.com/news/content/2026-03/04/content_31963417.htm (дата обращения: 07.04.2026).
26. Chron. Программы снижения веса сотрудников [Электронный ресурс] Работа. Человеческие ресурсы. Отношения с сотрудниками. 2025. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.74ef6387-68dfe58e-40017c5b-74722d776562/https/work.chron.com/employee-weight-loss-programs-20791.html (дата обращения: 01.10.2025).
27. Этика и деонтология: что это такое и почему это важно? [Электронный ресурс] // Work5. 2024. URL: https://www.work5.ru/spravochnik/etika_i_deontologija/etika_i_deontologija_chto_eto_takoe?ysclid=mgqkahg925840130818 (дата обращения: 11.10.2025).
28. П.М.Анкудинова. Этика заботы. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-zaboty/viewer (дата обращения: 29.07.2026).
29. Яо Чанфан. Шаньдун: Создание комплексной системы обслуживания для здорового контроля веса [Электронный ресурс] Цзянькан Бао. URL: https://jkb.com.cn:2443/manage/2025/1201/507449.html (дата обращения: 14.04.2026).
30. Ян Мэнди. Ловушка самодисциплины: социологический анализ управления весом с позиции дисциплинарной власти Фуко. [Электронный ресурс] Сборник тезисов (материалов) Форума по управлению весом 2025 года. URL: https://cpfd.cnki.com.cn/Article/CPFDTOTAL-TUKX202511002078.htm (дата обращения 06.07.2026).
31. Cherry K. What Is Body Positivity? 2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.verywellmind.com/what-is-body-positivity-4773402 (дата обращения: 01.11.2025).

32. Exploring China's body positivity movement. [Электронный ресурс] URL: https://focus.cbbc.org/exploring-chinas-body-positivity-movement/ (дата обращения: 14.04.2026).
33. Frezza E.E. Ethics and Deontology in Business. 2017. [Электронный ресурс] URL: https://austinpublishinggroup.com/business-administration-and-management/fulltext/ajbam-v1-id1007.php (дата обращения: 01.11.2025).
34. Huang X., Bisiada M. Is obesity just a health issue? Metaphorical framings of obesity in the People's Daily. CADAAD Journal. 2021; 13 (2): 18–40. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/355482038_Is_obesity_just_a_health_issue_Metaphorical_framings_of_obesity_in_the_People's_Daily (дата обращения: 14.04.2026).
35. Mahajan R. Stakeholder theory. Journal of Business Research. 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323004629 (дата обращения: 01.11.2025).
36. Stanford Encyclopedia of Philosophy. The History of Utilitarianism. 2009. [Электронный ресурс] URL: https://plato.stanford.edu/entries/utilitarianism-history/ (дата обращения: 01.11.2025).
37. The Lancet. China launches National Obesity Campaign. 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.thelancet.com/journals/landia/article/PIIS2213-8587(25)00131-7/fulltext (дата обращения: 01.11.2025).
38. Wang L., Zhou B., Zhao Z., Yang L., Zhang M. Body-mass index and obesity in urban and rural China: findings from consecutive nationally representative surveys during 2004–18. The Lancet. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)00798-4/abstract (дата обращения: 01.11.2025).
39. Wiley. One hundred-year secular trends of overweight and obesity in China: effects of age, period, and cohort. 2024. [Электронный ресурс] URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/oby.24134 (дата обращения: 01.11.2025).
40. World Health Organization. Obesity and overweight. 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight (дата обращения: 01.11.2025).
41. Xin Jie, Zhang Xin. The Origin of Confucian Benevolence and Filial Piety Culture in the Generation of Chinese Corporate Social Responsibility: A Single Case Study of Jingbo Company. Economic Management. 2025; 5: 5–24. [Электронный ресурс] URL: https://www.rdfybk.com/qw/detail?id=899434#readArea (дата обращения: 14.04.2026).

42. Zhang Long. Lose weight, earn cash: Chinese firms pay staff to slim down. City News Service. 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.citynewsservice.cn/articles/Lose-weight-earn-cash-Chinese-firms-pay-staff-to-slim-down-gno5v6dm (дата обращения: 01.11.2025).

References

1. *Shijie feipang ri jiaochu "Zhichang Jiankang Dajuan", Wan Yi Lan WONDERLAB dierjie jianzhong sai shouguan* [On World Obesity Day, the "Workplace Health response Sheet" was presented, and the second Wonderlab weight loss competition ended]. Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1858698808269154884&wfr=spider&for=pc [Accessed 7th April 2026].
2. *VOZ: bolee milliarda chelovek stradaet ozhireniem* [WHO: More than one billion people suffer from obesity]. Novosti OON. 2024. Available from: https://news.un.org/ru/story/2024/02/1449977?ysclid=mgatn7vm89724243955 [Accessed 25th September 2025].
3. *Shichang jiandu zongju gongbu shi qi minsheng lingyu weifa guanggao dianxing anli* [State Administration for Market Regulation Announces Ten Typical Cases of Illegal Advertising in the Livelihood Sector]. China Central Television. 2026. Avalaible from: https://news.cctv.com/2026/07/21/ARTIw0IHN9Zvq4SqKPGEA1an260721.shtml [Accessed 21st July 2026].
4. Liu Huaipi, Yang Lin, Yang Jinxin, Shan Yimin. *“Shoushen meng” weihe biancheng “shengming jie”? — Toushi jianfei xunlian ying “yesheng shengzhang” luanxiang* [“The Dream of Losing Weight” Turned into a “Life Catastrophe”? — A Look at the Chaos of the “Wild Growth” in Weight Loss Training Camps]. Xinhua Daily Telegraph. 2026. Available from: http://www.xinhuanet.com.cn/politics/20260603/75e82357a2e34bc38f48aeb69e5cba2e/c.html [Accessed 28th July 2026].
5. *2025 nian jiankang Guangzhou jian zhi dasai shouguan, yi sai cu jian chengxiaoxianzhu* [The "Healthy Guangzhou 2025" weight loss competition has ended, which has achieved remarkable results in promoting health]. Available from: https://www.gz.gov.cn/xw/zwlb/bmdt/styj/content/post_10614443.html [Accessed 14th April 2026].
6. *Kogda telo prevrashchayut v syuzhet* [When the body is turned into a plot]. b17.ru. 2025. Available from: https://www.b17.ru/article/754222/ [Accessed 14th October 2025].

7. *Shenzhen yi gongsi na baiwanyuan jiangli jianfei yuangong* [A company in Shenzhen rewards employees who lose weight with one million yuan]. Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1840259860074507203&wfr=spider&for=pc [Accessed 7th April 2026].
8. Kondrat'eva T. *Kampaniya po bor'be s ozhireniem nachalas' v Kitae* [The anti-obesity campaign has started in China]. Kursiv/Lifestyle. 2025. Available from: https://kz.kursiv.media/2025-04-16/lfst-ttkn-china-weight/?ysclid=mgati3p9zu122024110 [Accessed 22nd September 2025].
9. *Konfucianskoe «Chetveroknizhie» («Sy-Shu»)* [The Confucian "Four Books" ("Si-Shu")]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2004. 431 p.
10. *Kul'tura zaboty – zachem biznesu zabotit'sya o blagopoluchii sotrudnikov* [Culture of care: why businesses should care about employee well-being]. Akademiya sotsial'nykh tekhnologiy. 2023. Available from: https://ast-academy.ru/blog/kultura_zaboty_zacem_biznesu_zabotitsa_o_blagopolucii_sotrudnikov [Accessed 12th October 2025].
11. Kuchera S.R. *Istoriya, kul'tura i pravo drevnego Kitaya: sobranie trudov* [History, culture and law of ancient China: collection of works]. Moscow: Natalis; 2012. 414 p.
12. Kshevin N.V., Simonenko O.A. *Biopolitika kak aspekt gosudarstvennogo upravleniya neliberal'nykh politicheskikh rezhimov (na primere KNR)* [Biopolitics as an aspect of public administration of non-liberal political regimes (on the example of China)] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/biopolitika-kak-aspekt-gosudarstvennogo-upravleniya-neliberalnyh-politicheskih-rezhimov-na-primere-knr/viewer [Accessed 6th July 2026].
13. Lazarenko N. *Kitayskaya kompaniya budet platit' khudeyushchim sotrudnikam* [A Chinese company will pay employees for losing weight]. RBK Life. 2025. Available from: https://www.rbc.ru/life/news/689db2d29a7947550e250566 [Accessed 22nd September 2025].
14. Li Xiaoyu. *"Zhongguo feipang ditu" fabu fangkong feipang xu cong ertong zhuaqi* [The "Obesity Map in China" has been published. Prevention and control of obesity must begin with children]. Xinhua Wang. Available from: https://www.xinhuanet.com/2023-09/28/c_1212278710.htm [Accessed 7th April 2026].
15. Li Jitong, Jiang Mengzhe. *Cong guixun dao funeng: shenti zhengzhi shijiao xia tizhong guanli xingwei ganyu de lujing tansuo* [From Discipline to Empowerment: Exploring Paths of Behavioral Intervention in Weight Management from the Perspective of Body Politics]. Available from: https://wap.cnki.net/touch/web/Conference/Article/TUKX202511001010.html [Accessed 6th July 2026].

16. Nepeyvoda A. *10 rabotayushchikh sposobov, kak motivirovat' sotrudnikov material'no i nematerial'no* [10 effective ways to motivate employees financially and non-financially]. Bitrix24. 2025. Available from: https://www.bitrix24.ru/journal/kak-motivirovat-sotrudnikov/ [Accessed 5th October 2025].
17. Ma Qiang, Yang Liyun, Wang Shiqi, Li Wen, Wu Yueming. *“Si xian bing jin” liti fuwu, 2025 jiankang Guangdong kepu jin xiangcun yuanman shouguan* [“Four Lines in Parallel” and Three-Dimensional Service: 2025 “Healthy Guangdong Science Popularization in Villages” Successfully Concluded]. Nanfang dushi bao. 2025. Available from: https://m.mp.oeeee.com/a/BAAFRD000020251 2011486696.html [Accessed 28th July 2026].
18. Popov A. *V Kitae nachali otkryvat' lagerya dlya pokhudeniya: tam tyuremnye usloviya, no zato rezul'tat pochti garantirovan* [Weight-loss camps have started opening in China: prison-like conditions, but almost guaranteed results]. Men Today. 2024. Available from: https://www.mentoday.ru/life/news/06-11-2024/v-kitae-nachali-otkryvat-lagerya-dlya-pohudeniya-tam-tyuremnye-usloviya-no-zato-rezultat-pochti-garantirovan/ [Accessed 5th October 2025].
19. Starostina D.A. *Biopolitika v kontseptsii M. Fuko: telo kak instrument upravleniya obshchestvom* [Biopolitics in the Concept of M. Foucault: The Body as an Instrument of Social Management]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2022. No. 6, pp. 80-85. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/biopolitika-v-kontseptsii-m-fuko-telo-kak-instrument-upravleniya-obschestvom/viewer [Accessed 1st November 2025].
20. Tan Yuanyuan, Qi Pengran, Li Wenjing. *Vpervye opublikovana karta raspredeleniya pokazateley ozhireniya po vsey strane! Samoproverka v odin klik: nakhoditsya li vash ves v "zone zdorov'ya"?* [A map of the distribution of obesity rates across the country has been published for the first time! One-click self-check: is your weight in the "health zone"?]. Beiqing Wang. Available from: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1842498456873572816&wfr=spider&for=pc [Accessed 7th April 2026].
21. Teznev D. *Ves prevrashchaetsya v shtraf ili premiyu: kak kitayskaya kompaniya zastavlyaet khudet'* [Weight turns into a penalty or bonus: how a Chinese company forces employees to lose weight]. Pravda.ru. 2025. Available from: https://www.pravda.ru/news/health/2276707-weight_loss_challenge/ [Accessed 23rd September 2025].
22. Tomilova A. *Pochemu ya ne khudeyu: delo ne v diete, delo — v golove* [Why I cannot lose weight: it is not about diet, it is about the mind]. Moscow: Al'pina Pablisher; 2023. 206 p.

23. *Guanyu yinfa "tizhong guanli nian" huodong shishifangan de tongzhi* [Notification of the publication of the action plan for the "Year of Weight Management"]. Available from: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202406/content_6959543.htm [Accessed 14th April 2026].
24. *“Pierde peso, gana dinero”: Empresas chinas pagan a empleados por adelgazar* [Lose weight, gain money: Chinese Companies Pay Employees to Lose Weight]. Emprendedor. Available from: https://emprendedor.com/pierde-peso-gana-dinero-empresas-chinas-pagan-a-empleados-por-adelgazar/?amp [Accessed 6th July 2026].
25. Chang Junping. *262 ming da gongren chunjie "nishi" jianzhong 1121 jin: Wan Yi Lan WONDERLAB ruhe dapo "jiajie pang sanjin" mozhou?* [262 workers, contrary to the trend, lost 1,121 jin during the spring holiday: how did Wonderlab from Wanyilan dispel the myth that "three jin are gained on holidays"?]. Shenzhen Xinwen Wang. Available from: https://www.sznews.com/news/content/2026-03/04/content_31963417.htm [Accessed 7th April 2026].
26. Chron. *Programmy snizheniya vesa sotrudnikov* [Employee weight loss programs]. Rabota. Chelovecheskie resursy. Otnosheniya s sotrudnikami. 2025. Available from: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.74ef6387-68dfe58e-40017c5b-74722d776562/https/work.chron.com/employee-weight-loss-programs-20791.html [Accessed 1st October 2025].
27. *Etika i deontologiya: chto eto takoe i pochemu eto vazhno?* [Ethics and deontology: what they are and why they matter]. Work5. 2024. Available from: https://www.work5.ru/spravochnik/etika_i_deontologija/etika_i_deontologija_chto_eto_takoe?ysclid=mgqkahg925840130818 [Accessed 11th October 2025].
28. Ankudinova P.M. *Etika zaboty* [Ethics of Care]. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-zaboty/viewer (Accessed 29.07.2026).
29. Yao Changfang. *Shandong: Sozdanie kompleksnoy sistemy obsluzhivaniya dlya zdorovogo kontrolya vesa* [Shandong: Creating a comprehensive maintenance system for healthy weight control]. Jiankang Bao. Available from: https://jkb.com.cn:2443/manage/2025/1201/507449.html [Accessed 14th April 2026].
30. Yang Mengdi. *Zilü de xianjing: Fuke guixun quanli shijiao xia tizhong guanli de shehuixue fenxi* [The Trap of Self-Discipline: A Sociological Analysis of Weight Management from the Perspective of Foucault's Disciplinary Power]. 2025 Weight Management Forum Paper (Abstract) Collection. Available from: https://read.cnki.net/web/Conference/Article/TUKX202511002078.html.
31. Cherry K. What Is Body Positivity? 2024. Available from: https://www.verywellmind.com/what-is-body-positivity-4773402 [Accessed 1st November 2025].

32. Exploring China's body positivity movement. Available from: https://focus.cbbc.org/exploring-chinas-body-positivity-movement/ [Accessed 14th April 2026].
33. Frezza EE. Ethics and Deontology in Business. 2017. Available from: https://austinpublishinggroup.com/business-administration-and-management/fulltext/ajbam-v1-id1007.php [Accessed 1st November 2025].
34. Huang X, Bisiada M. Is obesity just a health issue? Metaphorical framings of obesity in the People's Daily. CADAAD Journal. 2021; 13(2):18–40. Available from: https://www.researchgate.net/publication/355482038_Is_obesity_just_a_health_issue_Metaphorical_framings_of_obesity_in_the_People's_Daily [Accessed 14th April 2026].
35. Mahajan R. Stakeholder theory. Journal of Business Research. 2023. Available from: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323004629 [Accessed 1st November 2025].
36. Stanford Encyclopedia of Philosophy. The History of Utilitarianism. 2009. Available from: https://plato.stanford.edu/entries/utilitarianism-history/ [Accessed 1st November 2025].
37. The Lancet. China launches National Obesity Campaign. 2025. Available from: https://www.thelancet.com/journals/landia/article/PIIS2213-8587(25)00131-7/fulltext [Accessed 1st November 2025].
38. Limin Wang et al. Body-mass index and obesity in urban and rural China: findings from consecutive nationally representative surveys during 2004–18. The Lancet. 2021. Available from: https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)00798-4/abstract [Accessed 1st November 2025].
39. Wiley. One hundred-year secular trends of overweight and obesity in China: effects of age, period, and cohort. 2024. Available from: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/oby.24134 [Accessed 1st November 2025].
40. World Health Organization. Obesity and overweight. 2025. Available from: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight [Accessed 1st November 2025].
41. Xin Jie, Zhang Xin. The Origin of Confucian Benevolence and Filial Piety Culture in the Generation of Chinese Corporate Social Responsibility: A Single Case Study of Jingbo Company. Economic Management. 2025; 5: 5–24. Available from: https://www.rdfybk.com/qw/detail?id=899434#readArea [Accessed 14th April 2026].
42. Zhang Long. Lose weight, earn cash: Chinese firms pay staff to slim down. City News Service. 2025. Available from: https://www.citynewsservice.cn/articles/Lose-weight-earn-cash-Chinese-firms-pay-staff-to-slim-down-gno5v6dm [Accessed 1st November 2025].

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

TOUGH TOPICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2026, 3(31): 105–124
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_105-124.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-105-124

УДК 17

«ОРНИТОЛОГИ ТОЖЕ НЕ ЛЕТАЮТ?»: БЕСЕДА ОБ ЭТИКЕ С В.Ю. ПЕРОВЫМ

Фотиева Е. О., Перов В. Ю.

статья:
поступила в редакцию 15.06.2026
принята к публикации 15.07.2026
опубликована (онлайн) 25.11.2026

© Фотиева Екатерина Олеговна
магистрант Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия
адрес для корреспонденции: ft@efotieva.ru

© Перов Вадим Юрьевич
доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
адрес для корреспонденции: v.perov@spbu.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Вадим Юрьевич Перов — заведующий кафедрой этики Санкт-Петербургского государственного университета. В беседе рассматриваются история становления прикладной этики в российских университетах как академической дисциплины и как образовательного направления, её ключевые области и направления — от биоэтики до этики искусственного интеллекта. Обсуждается вопрос о границах прикладной этики: соотношение профессиональной и непрофессиональной,

публичной и частной сфер её применения. Особое внимание уделяется практическому измерению прикладной этики — экспертной и консультативной деятельности, а также принципиальному различию между этическим знанием и нравственным поведением. Беседу провела и подготовила к публикации Е.О. Фотиева.

Ключевые слова: прикладная этика, профессиональная этика, биоэтика, этика искусственного интеллекта, этическая экспертиза, моральный выбор, образование, этические кодексы.

Discourses of Ethics. 2026, 3(31): 105–124
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_105-124.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-105-124

«ORNITHOLOGISTS DON'T FLY EITHER?» — A CONVERSATION WITH VADIM PEROV

Fotieva Ekaterina, Perov Vadim

received 15.06.2026
accepted15.07.2026
published (online) 25.11.2026

© Ekaterina O. Fotieva
MA Student of Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Correspondence to: ft@efotieva.ru

© Vadim Yu. Perov
Docent, Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor of the Department of Ethics of Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Correspondence to: v.perov@spbu.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: Vadim Yuryevich Perov is a Head of the Department of Ethics, St. Petersburg State University, Russia. The conversation examines the history of applied ethics as an academic discipline and educational field in Russian universities, its key areas and directions — from bioethics to the ethics of artificial intelligence. The discussion addresses the boundaries of applied ethics: the relationship between professional and non-professional, public and private spheres of its application. Special attention is given to the practical dimension of applied ethics, i.e. the expert and consultative activities. The fundamental distinction between ethical knowledge and moral action is

also examined. This conversation was lead and prepared for publication by Ekaterina Fotieva.

Keywords: Applied Ethics, Professional Ethics, Bioethics, Ethics of Artificial Intelligence, Ethical Expertise, Moral Choice, Education, Ethical Codes.

1. Расскажите, пожалуйста, немного о себе. Что стало для Вас отправной точкой интереса к прикладной этике?

Я окончил философский факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета и изначально поступил в аспирантуру на кафедру онтологии и теории познания к Борису Васильевичу Маркову. Спустя год декан факультета Юрий Никифорович Солонин предложил мне перейти в аспирантуру на кафедру этики, которая тогда называлась кафедрой философии культуры, этики и эстетики. Там я написал и защитил кандидатскую диссертацию и впоследствии остался работать. Таким образом я оказался в области этики, хотя изначально заканчивал кафедру логики.

Что касается прикладной этики, то ключевым моментом стала ситуация, сложившаяся в начале 2000-х годов. В 2002 году в Министерстве образования и науки совместно с профессорами Тульского педагогического университета Е.Н. Мелешко и В.Н. Назаровым была выдвинута инициатива по разработке основной образовательной программы по направлению подготовки «Прикладная этика». Поскольку были сомнения в том, что это получит поддержку, возникла идея, чтобы данная инициатива исходила от какого-то ведущего университета. Руководство СПбГУ в лице ректора Л.А. Вербицкой и декана философского факультета Ю.Н. Солонина согласились на это, и в итоге мне было поручено руководство разработкой программы и подготовкой необходимой документации.

Программа носила инициативный характер, но в результате прохождения всех необходимых формальных процедур была утверждена. С 2004 года началась её реализация: был принят федеральный образовательный стандарт, сначала открыта программа бакалавриата, а с 2011 года — магистратура. В настоящее время в СПбГУ сохранилась только магистерская программа. С 2004 года я занимаюсь образовательной

программой и организационными вопросами, и именно тогда сфера моих профессиональных интересов сместилась в сторону прикладной и профессиональной этики.

2. Правильно ли я понимаю, что до того, как Вы стали руководителем образовательной программы, Вы практически не занимались прикладной этикой?
Да, это так. В тот период прикладной этикой я занимался минимально. Курсы, которые читались в университете, не носили прикладного характера, да и сама традиция образования в области прикладных этик в нашей стране тогда ещё не была сформирована. Как показывает мировой опыт, прикладная этика во многом развивается именно через образовательные курсы. Исторически, в конце 1960-х — начале 1970-х годов, сначала возник запрос на соответствующие дисциплины в рамках медицинских, юридических факультетов и бизнес-школ, и уже затем это привело к формированию теорий прикладных и профессиональных этик и связанных с ними практик.

3. Почему, на Ваш взгляд, тема прикладной этики остаётся важной для Вас лично и для общества в целом?
Безусловно, существуют теоретические предпосылки возникновения прикладной этики, однако ими невозможно полностью объяснить её востребованность. Наиболее очевидные причины связаны с бурным развитием технологий. Прежде всего речь идёт о биомедицинских технологиях, которые во многом стали символом прикладной этики. Даже существует точка зрения, согласно которой основную часть прикладной этики составляет именно биоэтика, а остальные её направления во многом выстраиваются по аналогии с ней. Для такого подхода есть основания, хотя я бы не стал формулировать его столь категорично.

В медицинской сфере этические вопросы напрямую связаны с проблемами жизни и смерти, судьбой человека, и потому здесь эта связь особенно очевидна. Однако и в других областях технологии всё сильнее

влияют на жизнь людей и на характер их взаимодействий, что неизбежно требует этического осмысления.

В последние годы одной из наиболее активно обсуждаемых сфер стали цифровые технологии, в том числе системы искусственного интеллекта. Их использование существенно трансформирует профессиональную деятельность. Так, в настоящее время почти готов к подписанию этический кодекс использования систем искусственного интеллекта в образовании. Я являюсь членом рабочей группы, занимавшейся разработкой этого документа. Высокий интерес к нему связан с тем, что, хотя многие университеты уже выработали собственные правила, существует потребность в общем документе, сформулированном от имени ведущих российских вузов. Для региональных университетов это особенно важно, поскольку они зачастую занимают выжидательную позицию, не располагая достаточными ресурсами для самостоятельной разработки подобной политики.

В феврале 2025 года был принят кодекс использования систем искусственного интеллекта в медицине. В этой сфере этическая экспертиза, в том числе клинических исследований, уже достаточно хорошо разработана, поэтому многие положения удалось сформулировать сравнительно проще. В настоящее время обсуждаются аналогичные документы для юридической сферы и науки. Всё это свидетельствует о том, что технологические изменения в различных областях неизбежно трансформируют профессиональные практики и порождают новые этические вызовы, требующие осмысления.

4. В связи с этим хотелось бы уточнить: как бы Вы определили, что такое прикладная этика?

Если бы в рамках этого интервью я читал соответствующий учебный курс, то, разумеется, предложил бы несколько определений. В публичном пространстве прикладную этику, на мой взгляд, целесообразно рассматривать как так называемое «зонтичное понятие». Этот термин заимствован из маркетинга и используется для обозначения совокупности разнородных явлений, объединённых под одним названием.

В философском контексте близким является принцип «семейного сходства», предложенный Людвигом Витгенштейном. Он иллюстрировал его на примере понятия «игра»: игры могут существенно различаться по количеству участников, целям, правилам и форме взаимодействия, однако все они тем не менее подпадают под одно и то же понятие. Сходство между ними не основано на наличии единого набора признаков, а формируется через пересечение и добавление различных характеристик.

Подобным образом можно говорить и о прикладной этике. В одном из возможных смыслов она представляет собой аппликативное (прикладное) применение теоретических этических понятий к конкретным жизненным и профессиональным практикам. Так, например, в рамках работы над Всеобщей декларацией по биоэтике и правам человека ЮНЕСКО, в которой я принимал участие, возникла необходимость философского прояснения таких понятий, как справедливость и автономия. Несмотря на то, что основными разработчиками документа были представители медицинского и юридического сообществ, именно философы оказались теми, кто мог дать концептуальное обоснование этих принципов. В частности, требовалось показать, каким образом данные понятия интерпретируются и применяются в биоэтическом контексте.

Второй важный момент связан с процессом конкретизации в этике. Если в некоторых случаях теоретическое понятие может быть напрямую перенесено в практику и там успешно использоваться, то при конкретизации этических понятий в рамках прикладных и профессиональных сфер оказывается, что зачастую теоретические положения наполняются существенно новым содержанием. Фактически происходит либо переосмысление уже существующих этических понятий и положений, либо выработка новых.

Однако это относится прежде всего к интеллектуальной / рефлексивной стороне прикладной этики. С практической точки зрения прикладная этика прежде всего связана с разработкой прикладных и профессиональных этических кодексов, которые далеко не всегда совпадают между собой. При этом не столь важно, кто именно участвует в их создании — философы, представители конкретных профессий или специалисты из

смежных областей, — принципиально важно наличие нормативного этического документа.

Такой документ должен быть, во-первых, написан понятным языком, включая ясность используемых понятий и формулировок, а во-вторых, предполагать возможность реального применения этических норм — независимо от того, насколько строго и точно они формализованы. В практическом измерении прикладная этика связана с принятием морально корректных решений в конкретных профессиональных и социальных контекстах.

В совокупности эти моменты в значительной степени позволяют описать содержание прикладной этики. Разумеется, каждый из них требует дальнейшей конкретизации, однако в общих чертах именно так можно представить её предмет.

5. Благодарим Вас за столь развёрнутое объяснение. Кратко, с моей точки зрения, определить прикладную этику всё же не удаётся. Можно выбрать любое из существующих в исследовательской, справочной или учебной литературе определений, и в большинстве случаев оно будет корректным, однако ни одно из них не является исчерпывающим. Это связано, в частности, с тем, что когда мы говорим о прикладной или профессиональной этике, мы одновременно имеем в виду, во-первых, теорию — этику как философско-ориентированную дисциплину (интеллектуальную рефлексию, теорию прикладных и профессиональных этик), во-вторых, их научно-исследовательскую составляющую, то есть философское, социологическое, психологическое, междисциплинарное и т.д. изучение соответствующих этических проблем, в-третьих — совокупность конкретных прикладных и профессиональных практик. Это существенно разные «уровни», которые, тем не менее, оказываются тесно связанными.

6. Можно ли сегодня говорить о существовании определённой традиции или направлений в прикладной этике? Если да, то в чём они проявляются?

Направлений, безусловно, очень много. В значительной степени их формирование вновь связано с развитием технологий и происходящими социальными изменениями. Сюда можно отнести и экологическую проблематику, которая во многом является следствием технологического развития, и социально-культурные процессы — глобализацию, мультикультурализм, а также связанные с ними моральные вопросы. К этой же сфере относятся проблемы бедности, неравенства и разрыва в уровне жизни между различными регионами. Все эти темы, безусловно, входят в поле этического анализа.

Если же говорить о более устойчивых и наглядных формах, то можно выделить ряд уже сложившихся направлений прикладной этики, хотя и в отношении их не существует однозначных вариантов. Например, биоэтика, которую иногда рассматривают как общее направление, а иногда — как совокупность более специализированных областей. В ряде случаев в ней выделяется медицинская этика. Но можно встретить варианты, когда в неё включают экологическую этику, в том числе этику отношения к животным. При этом последняя, особенно когда речь идёт об экспериментах с участием животных, может быть включена в общую биоэтику, то есть отдельно от экологической этики. Существует этика права, которая нередко пересекается с философией права, а также широкий спектр профессиональных этик: этика судьи, нотариуса, адвоката и других юридических профессий.

Кроме того, можно говорить об экономической или хозяйственной этике, в рамках которой обсуждаются вопросы справедливости экономических систем, а также о деловой этике (этике бизнеса), связанной с этическими проблемами деятельности хозяйствующих субъектов. Существуют и более узкие профессиональные этики — банковская, аудиторская, риэлторская и другие. В качестве самостоятельного направления также можно назвать этику науки. Сказанное свидетельствует о том, что

даже устоявшиеся направления прикладных этик могут находится и интерпретироваться в довольно сложных отношениях.

В последние годы, в связи с развитием цифровых технологий, появляется большое количество новых этических направлений. Это, в частности, этика искусственного интеллекта, этика больших данных, этика интернета, машинная этика, этика робототехники и другие формы этики информационного общества. Многие из них находятся в стадии активного формирования и отличаются высокой степенью подвижности. Если сравнить ситуацию с тем, что было десять лет назад, становится очевидно, что набор актуальных направлений уже изменился, и, вероятно, через двадцать лет он будет иным. При этом можно с уверенностью предположить, что такие области, как биоэтика и этика права, сохранят своё значение, тогда как судьба других направлений остаётся открытой.

7. Тогда позвольте уточнить: можно ли говорить о существовании традиции изучения прикладной этики в современной России и о наличии определённых школ в этой области?

Если говорить о современной ситуации в России, то следует отметить, что развитие прикладной этики в значительной степени связано с системой образования. На сегодняшний день существуют области высшего образования, в которых этические курсы являются обязательными. В частности, они преподаются на всех медицинских факультетах, а также на большинстве биологических направлений, что связано с проведением экспериментов с участием людей и животных.

В юридическом образовании этика также присутствует, хотя нередко она носит более процессуальный характер и связана с вопросами допустимого поведения участников судебного процесса — в уголовном, гражданском и других видах судопроизводства, или других областей юридической профессиональной деятельности (адвокатура, нотариат и т.д.). Тем не менее этический компонент здесь по-прежнему сохраняется.

Если говорить о специализированных образовательных программах по прикладной этике, то их не так много. Такие программы существуют в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге (где в своё время программа едва не была закрыта, но затем получила новое развитие). Ранее они существовали также в Омске и Белгороде. Однако в целом прикладная этика как самостоятельное направление представлена в системе высшего образования ограниченно.

Важную роль играют и институциональные формы прикладной этики. Прежде всего это биоэтика: в России действует национальный биоэтический комитет, который недавно был вновь реорганизован. Этическая экспертиза в медицине является обязательной: ни клинические испытания лекарственных средств или методов лечения, ни публикация соответствующих исследований в научных журналах невозможны без заключения этического комитета. В университетах также функционируют этические комитеты по проведению исследований с участием людей — в частности, в области биологии, психологии и социологии. Подобные исследования не могут осуществляться без соответствующего этического экспертного заключения.

Кроме того, в последнее время активно развивается этическая экспертиза рекламы. В ранних редакциях закона о рекламе существовало понятие «неэтичная реклама», однако впоследствии оно было исключено и заменено более общим понятием «недобросовестная реклама», включающим в себя, в том числе, этическую составляющую. Контроль в этой сфере был передан Федеральной антимонопольной службе, которая, однако, столкнулась с отсутствием профильных специалистов. В результате в Санкт-Петербурге был создан первый в России экспертный совет по рассмотрению этических проблем в рекламе, в работе которого я также принимаю участие. В настоящее время такие советы существуют во многих регионах. Экспертные заключения о наличии или отсутствии в содержании рекламы этических нарушений используются, в том числе, при принятии решений о запрете или разрешении рекламных материалов.

Ещё одной активно развивающейся областью является этика в сфере систем искусственного интеллекта. В 2021 году создан Альянс в сфере

искусственного интеллекта, в который вошли крупнейшие технологические и финансовые компании, и был принят кодекс этики в сфере ИИ. С тех пор было разработано несколько рекомендаций, касающихся рекомендательных технологий, беспилотного транспорта, цифровых двойников, дипфейков и других. Также была опубликована «Белая книга» по этике искусственного интеллекта, в подготовке которой я принимал участие в качестве эксперта. Принято несколько отраслевых этических кодексов использования систем ИИ и разрабатывается ещё ряд других.

В этом смысле можно утверждать, что определённая традиция прикладной этики в России сформировалась. Если обратиться к её истокам, то одной из ключевых фигур является Владимир Иосифович Бакштановский из Тюмени, который считает себя родоначальником прикладной этики в Советском Союзе. Для этого есть основания: так получилось, что первые институциональные формы прикладной этики в нашей стране были связаны с попытками решения экологических проблем, возникавших при освоении тюменских нефтегазовых месторождений. В теоретическом плане значимым событием для становления отечественных прикладных этик стала также дискуссия «Этика или моралеведение», опубликованная в 1982 году в журнале «Вопросы философии». Начиная с начала 1990-х годов выходят специализированные издания, посвящённые прикладной этике, которые за прошедшее время насчитывают уже несколько десятков выпусков, публикуются монографии, учебники и исследовательские статьи. Всё это позволяет говорить о наличии устойчивой отечественной традиции в данной области.

8. Вы привели множество примеров применения прикладной этики в профессиональной сфере. Можно ли говорить о том, что прикладная этика ограничивается только профессиональной деятельностью?

Нет, безусловно, прикладная этика не ограничивается исключительно профессиональной сферой. При этом соотношение прикладных и профессиональных этик представляет собой достаточно сложный вопрос. В ряде случаев они совпадают, в других — расходятся.

Если обратиться, например, к экологической этике, то её можно рассматривать как прикладную, однако назвать её профессиональной в строгом смысле затруднительно, поскольку не существует профессии «эколог» как единой и однозначно определённой. Экологическими вопросами могут заниматься юристы, биологи, химики, а также волонтёры, для которых эта деятельность не является профессией. В этом контексте возникает вопрос: можно ли говорить о наличии экологической этики как профессиональной этике волонтёрской деятельности? В строгом смысле — скорее нет.

Показателен и другой пример. В Иллинойском университете в своё время был создан ресурс, содержащий более двух тысяч различных этических кодексов. Многие из них относились к профессиональным ассоциациям, однако встречались и такие случаи, которые сложно однозначно отнести к профессиональной сфере. Например, существуют сообщества людей, занимающихся наблюдением за птицами в качестве хобби. Это не изучающие птиц орнитологи в академическом смысле, а любители просто наблюдать за ними, и у них сформирован и принят собственный письменный кодекс этичного поведения, регламентирующий, в частности, допустимые способы наблюдения. Возникает вопрос: можно ли считать такую этику профессиональной? Ответ на него неочевиден.

Ещё один важный пример связан с развитием так называемой гражданской науки. Исторически она во многом возникла именно в орнитологии, когда для сбора данных о миграциях птиц привлекалось местное население. Сегодня, благодаря развитию технологий, возможности участия непрофессионалов в научных исследованиях значительно расширились. Создание базовых лабораторий в домашних условиях стало относительно доступным, и многие люди участвуют в академических научных проектах «на дому» и на добровольной основе, не являясь профессиональными учёными. При этом подобная деятельность также порождает специфические этические вопросы, в связи с чем проводятся соответствующие этико-прикладные исследования и разрабатываются специальные этические кодексы взаимодействия представителей академической (профессиональной) и гражданской (непрофессиональной) науки.

Существуют и такие области, которые трудно отнести к профессиональной или к «любительской» деятельности, но тем не менее они являются предметом прикладной этики. Примером может служить этика воспитания. С одной стороны, воспитание может рассматриваться в рамках профессиональной педагогической деятельности, с другой — оно является частью повседневной жизни и семейных практик и не может быть сведено ни к профессии, ни к хобби. Тем не менее именно такие сферы оказываются важными объектами этического осмысления в рамках прикладной этики.

9. А если говорить о ещё более «низком» уровне — о повседневных моральных конфликтах, ситуациях и вопросах?

Безусловно, такие ситуации существуют. Можно говорить, например, об этике межличностного общения, и она, разумеется, имеет место. Однако, с моей точки зрения, эта область сегодня в значительной степени уже освоена психологией. Я не считаю это проблемой — напротив, это вполне закономерно. Просто в результате подобные вопросы оказываются сильно психологизированы, и, на мой взгляд, собственно этике здесь остаётся не так много пространства для самостоятельной работы.

10. А как же классический пример с вагонеткой?

Ситуация с вагонеткой, строго говоря, не относится к межличностному общению. Более того, с ней в целом есть определённые сложности. С учебной точки зрения это чрезвычайно удачный и полезный инструмент: такие примеры хорошо работают в образовательном процессе, позволяют оттачивать аргументацию, анализировать различные позиции. Я сам активно использую подобные кейсы в работе со студентами.

Однако с практической точки зрения ситуация выглядит иначе. Здесь можно обратиться к исследованию Массачусетского технологического института, известному как проект *Moral Machine*. Оно было начато в 2017 году и длилось почти год. В рамках исследования были разработаны базовые сценарии морального выбора, а также предоставлена возможность пользователям создавать собственные варианты. В результате

было собрано более двух с половиной тысяч сценариев, а участие в проекте приняли около сорока миллионов человек более чем из 80 стран.

Несмотря на масштаб исследования, его авторы подчёркивали ограничения полученных данных. Отсутствие репрезентативной выборки не позволило сделать статистически значимые выводы, хотя были зафиксированы некоторые корреляции, связанные с полом, возрастом и регионом. Тем не менее эти различия не оказались достаточно устойчивыми. В 2018 году результаты исследования были опубликованы в журнале *Nature*.

Главный вывод этого проекта заключается в том, что, несмотря на его научную ценность, что практическое применение подобных данных крайне ограничено. На основе полученных научно достоверных результатах в принципе невозможно не только сформулировать алгоритмы поведения для автономных систем, таких как беспилотные автомобили, но даже предложить содержательные рекомендации для выработки политики в этой сфере. В англоязычном контексте используется понятие *policy* — не в узко политическом, а в более широком, социально-нормативном смысле, — и именно для этой области исследование не даёт приемлемых решений. Показательно, что это было признано самими авторами исследования в опубликованной статье, и может рассматриваться как признак их научной добросовестности и академической честности.

Аналогичный вывод был сделан и в рекомендациях, разработанных в рамках деятельности российского Альянса в сфере искусственного интеллекта. Рассуждения по модели вагонетки могут быть интеллектуально интересными и полезными в образовательном и даже исследовательском контексте, однако они обладают низкой практической значимостью. В искусственный механизм, каким является беспилотный автомобиль, невозможно заложить моральный выбор в строгом смысле этого слова.

11. То есть никакой алгоритм морального выбора заложить невозможно?

Да, именно так. Никакой алгоритм, кроме следования правилам дорожного движения, соблюдение которых призвано обеспечить равную без-

опасность всем без исключения участникам, заложить нельзя. Моральный выбор между тем, кого спасать, а кем пожертвовать, в таких системах принципиально невозможен — по крайней мере на сегодняшний день. Поэтому с практической точки зрения подобные рассуждения не имеют прикладного этического значения. Это, скорее, интеллектуальное упражнение, своего рода игра ума. В этом смысле шахматы тоже не имеют практической значимости, но это вовсе не означает, что они бесполезны. Напротив, и шахматы, и подобные мысленные эксперименты заставляют задуматься и имеют самостоятельную ценность.

12. Благодарим Вас за это пояснение. И в продолжение разговора: существуют ли примеры, когда прикладная этика помогала разрешать конфликты — не только личные, но и общественные или политические?

Мне до сих пор не вполне ясен сам смысл вопроса о том, «помогает» ли кому-то прикладная этика. Здесь уместно вспомнить известную ироничную историю. В 1960–1970-е годы — то ли в одном из ленинградских вузов, то ли, по другой версии, в одном из польских университетов — существовал профессор, читавший курсы по этике и отличавшийся весьма бурной личной жизнью. После очередного развода его вызвали на партийное собрание и упрекнули в неподобающем поведении, в том числе со словами: «Как ты мог, ты же этик». На что он ответил фразой, ставшей впоследствии почти афоризмом: «Но орнитологи тоже не летают».

Этот пример хорошо иллюстрирует принципиальный момент: от специалистов в области этики не следует ожидать некоего особого, гарантированно высокоморального поведения. Крайне трудно установить прямую связь между знанием этики и конкретными поступками человека. В сфере личных отношений невозможно с уверенностью утверждать, что кто-либо успешно вышел из сложной ситуации именно благодаря своим этическим знаниям, поскольку знание и поведение не поддаются однозначному разграничению и измерению в каждом конкретном случае.

Когда же мы говорим о прикладной и профессиональной этике, ситуация принципиально иная. Особенность проблем, возникающих в этих областях, состоит в их публичном характере и необходимости открытого, аргументированного обсуждения. Речь идёт не о частных оценках или индивидуальном поведении, а о социально значимых решениях.

В работах А.А. Гусейнова и Р.Г. Апресяна* неоднократно подчёркивалось, что проблемы прикладных и профессиональных этик по своей природе являются публично дискуссионными и не предполагают однозначных решений. Например, очевидно, что в результате бытовых конфликтов или пьяных драк погибает больше людей, чем в результате применения смертной казни. Однако сами по себе пьяные драки не являются предметом прикладной этики, поскольку их моральное осуждение не вызывает сомнений. Совсем иначе обстоит дело со смертной казнью: вопрос о допустимости или недопустимости лишения жизни в качестве меры наказания является предметом осознанного общественного выбора. И любая этика, будь то теоретическая (философская), прикладная или профессиональная, как раз и занимается вопросами обоснования соответствующих решений. Аналогичным образом исследуются и обсуждаются вопросы эвтаназии или допустимости моральных рисков в профессиональной деятельности.

В этом смысле прикладная этика работает там, где требуется выработка публичных решений по вопросам, не имеющим в настоящее время однозначного морального ответа. Межличностные конфликты, безусловно, могут иметь этическое измерение, однако они не всегда становятся предметом прикладной этики. Напротив, такие ситуации, как профессиональные конфликты или общественные процессы, вполне могут рассматриваться в рамках прикладного этического анализа.

* Апресян Рубен Грантович включён в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

13. То есть речь идёт именно об общественных решениях, а не о личных отношениях?
Да, именно так: это вопрос принятия публичных морально значимых решений, а не регулирования частных взаимоотношений.

14. А если говорить о профессиональных конфликтах или, возможно, об общественных процессах: существуют ли примеры, когда прикладная этика действительно помогала в их разрешении?
В качестве наиболее наглядных примеров можно привести экспертную деятельность. Так, например, я являюсь членом экспертного совета по рекламе, и в ряде случаев — не только я, но и мои коллеги — участвовал в подготовке этических экспертиз. По их результатам Федеральная антимонопольная служба либо запрещала соответствующую рекламу, либо, напротив, признавала её этичной, несмотря на поступавшие жалобы. Подобные случаи происходят не регулярно, но они показательны.

Кроме того, запросы на проведение этической экспертизы поступают и из университетского центра экспертиз — в том числе по обращениям прокуратуры. В отдельных ситуациях речь шла о возможности возбуждения уголовного дела. Так, несколько лет назад нами было подготовлено экспертное заключение по одному видеоролику, и, насколько мне известно, в итоге уголовное дело возбуждено не было, поскольку в рамках экспертизы было показано отсутствие этических оснований для предъявляемых претензий.

Речь идёт о видеоролике, размещённом музыкантом — фронтменом группы *Little Big*. Находясь в США, он опубликовал видео, в котором катался на скейтборде в образе, который в некоторых контекстах мог бы восприниматься как религиозный символ. В общественном пространстве возникла дискуссия о возможном оскорблении чувств верующих и необходимости правовой реакции. Совместно с коллегой было подготовлено развёрнутое экспертное заключение, в котором было показано, что этических оснований для признания данного действия морально оскорбительным не имеется. Все подобные экспертизы находятся в открытом доступе.

Помимо этого, я участвовал и в работе, связанной с университетской этической инфраструктурой. В университете действует «Кодекс университета» и комиссия по этике, которая в отдельных случаях запрашивала разъяснения, близкие по своему характеру к этической экспертизе. Иногда речь шла о письменных заключениях, иногда — об устных комментариях по конкретным ситуациям. Я и мои коллеги давали соответствующие разъяснения, помогая комиссии в принятии решений.

Таким образом, в практическом отношении прикладная этика проявляет себя, прежде всего, через экспертную и консультативную деятельность, в рамках которой вырабатываются аргументированные позиции, влияющие на институциональные решения.

Научное издание

Дискурсы этики
Выпуск 3(31), 2026
ISSN (Печатный): 2306-9430
ISSN (Онлайн): 2311-570X

Discourses of Ethics
Issue 3(31), 2026
ISSN (Print): 2306-9430
ISSN (Online): 2311-570X

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.

http://theoreticalappliedethics.org/

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: С.В. Глебова

верстка: А.В. Васильев

Тексты печатаются в авторской редакции.

Подписано к печати 25.11.2026. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 7.38

Онлайн-издание. Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2026_3_31/